

ЕВРЕЙСКИЙ ЖАМЕРТОН

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Виктория РАЙХЕР

2019

Этот год у меня получился совсем молчаливым - почти без текстов. Когда, четыре года назад, я шла на свою юнгианскую учебу, моя аналитик, по случайному совпадению - известный израильский поэт, сказала: "Ты не пугайся, во время учебы пишут меньше. Потом нагонишь". "Меньше" - это еще мягко сказано. Ладно. Я не пугаюсь. Учитывая, что весь молчаливый год я практически не слезала со сцены, в этом даже есть определенный стиль.

Это не конспект прошедшего года. Конспекты года мы пишем в частном порядке, и мой на данный момент составляет пятнадцать страниц (он еще не окончен). Первые пять занимает январь, в котором ничего не произошло.

Но совсем промолчать, провожая год, тоже как-то неправильно. Неуважительно, что ли - к окружающим, к году, к жизненному этапу, к Кириллу и Мефодию, наконец. Текстов у меня по-прежнему нет, но есть картинка-зарисовка, моментальный снимок конца декабря. В этом месте к Кириллу и Мефодию присоединяется Ролан Барт, и юнгианское вступление можно считать оконченным.

В прошлые выходные я договорилась с учебной группой собраться в тель-авивском музее, чтобы всем вместе сходить на выставку, а после куда-нибудь поесть. Таким симпатичным путем мы собрались отмечать день рождения однокурсницы. Знающие меня люди уже уловили здесь ряд тяжелых противоречий, причем совершенно не в том, что однокурсница родилась в августе. Просто, ну мяу, выходной. Тель-Авив. Учебная группа, с которой я и без того общаюсь раз в неделю. Поход на выставку всем вместе... Ну не коллективный я человек. Совсем. Не случайно ближайшая к августу всем подходящая дата нашлась двадцать первого декабря.

Ладно. Даже неколлективный человек должен быть человеком, а не свиньей. Я взяла себя в руки. Написала прощальные письма, пожелала Роману

расти хорошей девочкой, поклялась Диме, что всегда его любила, сказала, где лежит черновик завещания и что те сережки с блестящими камушками Роми может взять себе, когда ей исполнится восемнадцать. Надела темные очки, врубила музыку и покатила в Тель-Авив.

Теперь про музыку. Одной из песен, которой я болела в прошедшем году (я всегда болею какой-нибудь песней) была красивая песня на ладино, под названием "Adio, kerida". Позже выяснилось, что первая фраза туда залетела из "Травиаты" Верди, но я сейчас о другом. В этой песне отчаявшийся автор прощается с любимой (адио, говорит, керида!), констатируя, что ему больше не дорога жизнь, отравленная ее черствостью и равнодушием. Дальше он желает ей идти искать другого

возлюбленного, поскольку для него самого она уже мертва. Не очень понятно, зачем куда-то идти должна именно она, при том, что уходит как раз он, но не будем опешлять символику конкретикой. Красивые песни на незнакомых языках вообще лучше не переводить. Я вот всегда перевожу.

Обычно песню "Адио, керида" начинают с припева. Там сразу акцент на вторую долю, драматично звучит и ложится на нервы. Но, в принципе, можно и с первого куплета начать. Первый куплет выглядит так: "Tu madre quando te pario (твоя мать, когда тебя родила) e tekito al mundo (и отправила в мир), korason eya no te dio (не дала тебе сердца) para amar segundo (чтобы любить другого)". Ясное дело, вечно мама виновата. Привет юнгианским аналитикам.

Кто-нибудь еще помнит, с чего все началось? Я благополучно, хотя и с некоторым превышением скорости, доехала до Тель-Авива и там картинно пропустила нужный поворот. В Тель-Авиве довольно сложные развязки, правда. В итоге, чтобы вернуться на стезю праведности, мне пришлось извилисто выкручиваться, возмущаясь сквозь сжатые от удовольствия зубы.

- Ну почему, - шипела я, проворачивая операцию "подрезать десять человек так, чтобы никто из них этого не заметил", - почему, почему я вообще на это согласилась? Я же знала, что так оно и будет! Я же ничего подобного не хотела! Я ненавижу эти развязки! Я не люблю никуда ходить совместно! Почему, почему я вечно соглашаюсь делать то, чего не хочу???

В этот момент в динамиках щелкнул случайный выбор песни, и теплый женский голос мне ответил:

- Tu madre quando te pario (твоя мать, когда тебя родила) e tekito al mundo (и отправила в мир) korason eya no te dio (не дала тебе сердца) para amar segundo (чтобы любить другого)...

Господи, я так ржала, что заулыбался водитель в соседней машине. Ну вот, теперь все понятно. Мама, ты слышишь? Когда ты отправляла меня в мир, ты не дала мне сердца, чтобы любить другого. Поэтому я такой неколлективный человек, поэтому меня так тяжело вытащить из дома, поэтому я вечно пропускаю повороты, поэтому я так веселюсь, подъезжая к собравшимся однокурсницам, поэтому мой декабрь освещен ярким солнцем, и куртку можно оставить в машине, поэтому мы сейчас пойдём на выставку, а после в ресторан, поэтому мы будем там сидеть и говорить о жизни, которая для некоторых из нас прозрачна, а некоторым совершенно неясна. Как будто мы не одни и те же люди, как будто у нас не одна и та же мать, как будто среди нас вообще бывает кто-то другой, как будто у нас не одно и то же сердце на всех para amar segundo...

Как будто жизнь начнется снова, если его полюбить.

РЕЧЬ В ЕВРОПЕЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ 27 СЕНТЯБРЯ 2016 ГОДА

Джонатан САКС

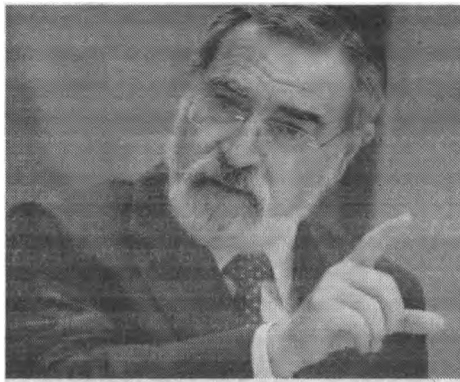
Ненависть, которая начинается с евреев, никогда не заканчивается с евреями. Я хочу, чтобы мы поняли это сегодня. Не только евреи страдали под Гитлером. Не только евреи страдали при Сталине. Не только евреи страдают от ИГИЛа, "Аль-Каиды" или от "Исламского джихада". Мы совершаем громадную ошибку, если думаем, что антисемитизм представляет угрозу только для евреев. Это угроза в первую очередь Европе и свободам, на утверждение которых ушли столетия.

Антисемитизм - это не о евреях. Это об антисемитах. Это о тех, кто не может взять на себя ответственность за свои собственные неудачи и обвиняет в них других. Исторически, если вы были христианином во время крестовых походов или немцем после Первой мировой войны и увидели, что мир не повернулся в желательном вам направлении, вы винили евреев. Это именно то, что происходит сегодня. И невозможно преувеличить опасность этого. Не только для евреев, но и для всех, кто ценит свободу, милосердие и человечность.

Проявления антисемитизма в культуре является первым симптомом ее заболевания, ранним признаком социальной катастрофы. Если Европа позволит процветать антисемитизму, это будет началом конца Европы. И сегодня, в своем кратком выступлении я хочу просто проанализировать феномен, полный неопределенности и двусмысленности. Нам нужна точность и ясное понимание того, чем является антисемитизм, почему он возникает, и как антисемиты убеждают себя в том, что они не антисемиты.

Прежде всего позвольте мне определить антисемитизм. Нелюбовь к евреям - это не антисемитизм. Нам всем кто-то не нравится. Ничего в этом нет страшного. Мы - люди. Это само по себе не опасно. Во-вторых, критика Израиля - это не антисемитизм. Я недавно разговаривал с группой школьников, и они спросили меня: является ли критика Израиля антисемитизмом? Я сказал нет и объяснил разницу. Я спросил их: верите ли вы, что у вас есть право критиковать британское правительство? Они все подняли руки. Тогда я спросил, кто из вас считает, что Британия не имеет права на существование? Никто не поднял руки. Теперь вы знаете разницу, сказал я, и они поняли меня.

Антисемитизм означает отрицание права евреев существовать коллективно как особый народ с теми же правами, как и остальные народы. Антисемитизм принимает различные формы в разные эпохи. В средние века евреев ненавидели из-за их религии. В XIX и начале XX века их ненавидели из-за их расы. Сегодня евреев ненавидят из-за их национального государства, Государства Израиль.

Антисемитизм принимает различные формы, но он остается одним и тем же: мнением, что евреи не имеют права на существование как свободный народ, равный всем другим.

Если есть одна вещь, которую я и мои современники не ожидали, то это - возвращение антисемитизма в Европу при живой памяти о Холокосте. Причина, почему мы не ожидали этого, заключалась в том, что Европа предприняла самые большие во всей истории человечества коллективные усилия, чтобы предупредить новое заражение вирусом антисемитизма своего политического тела. Это было великолепное усилие антирасистского законодательства, распространения знания о Холокосте и межконфессионального диалога. Тем не менее антисемитизм вернулся, несмотря на все эти усилия.

27 января 2000 года представители 46 правительств со всего мира собрались в Стокгольме, чтобы подписать коллективную декларацию о сохранении памяти о Холокосте и продолжении борьбы против антисемитизма, расизма и предрассудков. Потом случилось 11 сентября, и в течение всего нескольких дней интернет был наводнен теориями заговора, утверждающими, что это была работа Израиля и его секретной службы "Моссад". В апреле 2002 года, на Пасху, я был во Флоренции с еврейской парой из Парижа, когда они получили телефонный звонок от своего сына, сказавшего: "Мама, папа, пришло время покинуть Францию. Жить здесь стало небезопасно для нас".

В мае 2007 года на закрытом заседании здесь, в Брюсселе, я сказал трем лидерам Европы того времени: Ангеле Меркель, президенту Европейского совета, Жозе Мануэлю Баррозу, президенту Европейской комиссии, и Ханс-Герту Поттерингу, президенту Европейского парламента, что евреи Европы начинали спрашивать, есть ли будущее у евреев в Европе.

Прошло больше девяти лет. С тех пор все стало хуже. Уже в 2013 году, прежде чем случились худшие теракты, Агентство Европейского союза по основным правам обнаружило, что почти треть евреев Европы рассматривают вопрос об эмиграции из-за антисемитизма. Во Франции

этот показатель составил 46 процентов; в Венгрии 48 процентов.

Позвольте мне спросить вас следующее. Будь вы еврей, христианин или мусульманин, оставались бы вы в стране, где вам необходима вооруженная полицейская охрана, когда вы молитесь? Где ваши дети нуждаются в вооруженной охране в школе? Где, если вы носите знак вашей веры в общественных местах, вы рискуете услышать оскорбления или подвергнуться нападению? Где на занятиях в университете ваших детей оскорбляют и запугивают из-за того, что происходит в какой-то другой части мира? Где, когда они выражают свое собственное мнение о происходящих событиях, их заглушают воем и пытаются лишить слова?

Это происходит с евреями по всей Европе. В каждой отдельно взятой стране Европы без исключения евреи боятся за свое и своих детей будущее. Если это будет продолжаться, евреи будут продолжать покидать Европу, пока, за исключением, возможно, больных стариков, Европа, наконец, станет Judenrein - свободной от евреев.

Как это произошло? Это произошло тем же путем, каким вирусы всегда поражают иммунную систему человека, а именно путем мутаций. Новый антисемитизм отличается от старого антисемитизма тремя способами. Я уже упоминал один. Раньше евреев ненавидели из-за их религии. Потом их ненавидели из-за их расы. Теперь их ненавидят из-за их национального государства. Второе отличие заключается в том, что эпицентром старого антисемитизма была Европа. Сегодня это Ближний Восток, и это передается по всему миру с помощью новых электронных средств массовой информации.

Третий способ особенно тревожный. Позвольте мне объяснить. Ненавидеть легко, но трудно оправдывать ненависть публично. На протяжении всей истории, когда люди стремились оправдать антисемитизм, они делали это путем обращения к самому высокому принципу той или иной культуры. В средние века это была религия. И тогда был религиозный антииудаизм. В Европе после Просвещения это была наука. И тогда развился двойной фундамент нацистской идеологии: социальный дарвинизм и так называемое научное исследование расы. Сегодня самым высоким принципом общественной жизни являются права человека. Именно поэтому Израиль - единственная полностью функционирующая демократия на Ближнем Востоке со свободной прессой и независимой судебной системой - регулярно обвиняется в пяти смертных грехах против прав человека: расизме, апартеиде, преступлениях против человечности, этнической чистке и попытке геноцида.

Новый антисемитизм мутирует так, что любой практикующий антисемит может отрицать, что он или она является антисемитом. В конце концов, они скажут: "Я не расист. У меня нет проблем с евреями или иудаизмом. У меня есть только проблемы с Государством Израиль". Но в мире 56 мусульманских стран, 103 христианских, и есть только одно еврейское государство, Израиль, который занимает одну четверть одного процента территории Ближнего Востока. Израиль является единственным из 193 государств-членов Организации Объединенных Наций, чье право на существование регулярно оспаривается в дополнение к тому, что Израиль вынужден противостоять Ирану и многим другим группам, провозгласившим своей целью уничтожение еврейского государства.

Антисемитизм означает отрицание права евреев на существование в качестве евреев с теми же правами, как и все остальные народы. Сегодня он принял форму антисемитизма. Конечно, есть разница между сионизмом и иудаизмом, а также между евреями и израильтянами, но эта разница не существует для новых антисемитов. Именно евреи, а не израильтяне были убиты в результате террористических актов в Тулузе, Париже, Брюсселе и Копенгагене. Антисемитизм - это антисемитизм нашего времени.

В средние века евреи обвинялись в отравлении колодезцев, распространении чумы и убийстве христианских детей, чтобы использовать их кровь. В нацистской Германии они обвинялись в контроле над капиталистической Америкой и над коммунистической Россией. Сегодня их обвиняют в руководстве как ИГИЛом, так и Америкой. Все старые мифы использованы вновь: от кровавого навета до протоколов сионских мудрецов. Карикатуры, наполняющие Ближний Восток, являются клонами тех, что публиковались в DerSturmer, бульварном еженедельнике, одном из главных средств нацистской пропаганды в период между 1923 и 1945 годами.

Абсолютное оружие нового антисемитизма поражает своей простотой. Оно используется незамысловато: Холокост никогда не должно повториться; но израильтяне - новые нацисты; палестинцы - это новые евреи; все евреи - сионисты. Поэтому настоящими антисемитами нашего времени являются никто иной, как сами евреи... И это не маргинальные взгляды. Они широко распространены в мусульманском мире, в том числе в их европейских общинах, и они медленно заражают крайне левые круги, крайне правые, академические круги, союзы, и даже некоторые церкви. Вылечив себя от вируса антисемитизма, Европа вновь заражена носителями этого вируса из других частей мира, никогда не прошедшие через самокритику, которой Европа подвергла себя после раскрытия фактов Холокоста.

Как оказывается возможным верить во все такие нелепости? Это обширная и

сложная тема. Я написал об этом книгу, но самое простое объяснение заключается в следующем. Когда плохие вещи случаются с группой людей, ее члены могут задать себе один из двух вопросов: "Что мы сделали не так?" Или: "Кто сделал это с нами?" Вся судьба группы будет зависеть от того, какой вопрос она выбирает.

Если она спрашивает: "Что мы сделали не так?", тогда начинается самокритика, которая является необходимым условием существования свободного общества. Если она спрашивает: "Кто сделал это с нами?", она определяет себя в качестве жертвы и начинает искать козла отпущения, чтобы обвинить другого во всех своих проблемах. Традиционно таковыми были евреи.

Антисемитизм является одной из форм когнитивного диссонанса, возникающий тогда, когда люди чувствуют, что их мир выходит из-под контроля. Такой диссонанс возник в средние века, когда христиане увидели, как ислам победил в местах, которые они рассматривали как свои собственные, особенно в Иерусалиме. Он проявился в 1096 году на пути крестоносцев в Святую Землю, когда они отклонились от своей дороги, чтобы истребить еврейские общины в Северной Европе. Он проявился на Ближнем Востоке в 1920-е годы с распадом Османской империи.

Антисемитизм усилился в Европе в 1870-х годах в период экономического спада и возрождающегося национализма. И он вновь появляется в Европе в настоящее время по тем же причинам: рецессия, национализм и обратная реакция против иммигрантов и других меньшинств. Антисемитизм происходит, когда политика надежды уступает политике страха, быстро превращающейся в политику ненависти.

Евреев ненавидели потому, что они отличались. Они были наиболее заметным нехристианским меньшинством в христианской Европе. Сегодня они являются наиболее заметным немусульманским присутствием в исламском Ближнем Востоке. Антисемитизм всегда был результатом неспособности общества признать ценность различий. Но неспособная на это группа людей не сможет когда-либо создать свободное общество.

Я закончу там, где начал. Ненависть, которая начинается с евреев, никогда не останавливается на евреях. Антисемитизм - это только во вторую очередь о евреях. В первую очередь он обнаруживает неспособность той или иной группы людей принять ответственность за свои собственные неудачи и строить свое будущее собственными силами. Ни одно общество, способствовавшее антисемитизму, не смогло

поддерживать свободу, права человека, свободу вероисповедания. Каждое общество, движимое ненавистью, вначале стремится уничтожить своих врагов, но заканчивает уничтожением себя.

Сегодня Европа фундаментально не антисемитская. Но она позволила антисемитизму проникнуть в свою жизнь через новые электронные средства информации. Она не смогла понять, чем новый антисемитизм отличается от старого. Сегодня мы еще не вернулись в 1930-е годы. Но мы подходим уже близко к 1879 году, когда Вильгельм Марр основал Лигу антисемитов в Германии; к 1886 году, когда Эдуард Дрюмон опубликовал *La France Juive* ("Еврейская Франция"); к 1897 году, когда Карл Люгер стал мэром Вены. Это были ключевые моменты в распространении антисемитизма, и все, что мы должны сделать сегодня - это помнить, что сказанное тогда о евреях, сегодня говорится о еврейском государстве.

История евреев в Европе не всегда была счастливой. Европейское отношение к евреям добавило особо значимые слова в человеческий лексикон: принудительный диспут, насильственное обращение, инквизиция, изгнание, аутодафе, гетто, погром и Холокост - слова, написанные еврейскими слезами и еврейской кровью. Тем не менее, несмотря на все это, евреи любили Европу, и из них вышел

ряд величайших ученых, писателей, ученых, музыкантов, творцов современной культуры.

Если Европа позволит втащить себя вновь на дорогу антисемитизма, придет время, когда она станет воспоминанием о прошлом: "Сначала они пришли за евреями. Затем за христианами. Затем за гомосексуалистами. Затем за атеистами. И ничего не осталось от души Европы кроме далекой, угасающей памяти".

Сегодня я попытался дать голос тем, у кого нет голоса. Я говорил от имени убитых рома, синто, гомосексуалистов, диссидентов, умственно и физически немощных и от имени полтора миллионов еврейских детей, убитых из-за религии своих бабушек и дедушек. От имени их всех я говорю вам: вы знаете, где оканчивается дорога. Не идите по ней вновь.

Вы лидеры Европы. Ее будущее находится в ваших руках. Если вы ничего не предпримите, евреи уйдут, европейская свобода умрет, и на имени Европы будет моральное пятно, которое не смоет вечность.

Остановите антисемитизм сейчас, пока еще есть время.

*Перевод Дунин
Джонатан Генри Сакс, род. 8 марта
1948 г., Лондон) -
британский раввин и философ,
политик, член Палаты лордов.*

ИЕРУСАЛМСКОЕ ПОЛЕ

Валерий ЗЕЛЕНОГОРСКИЙ

Кремский не спит ночью, днем он дремлет, и только когда приходит его дочь, кормить и давать лекарства, он просыпается.

Ему 90 лет, и он устал жить на этом свете, особенно здесь, в Германии, куда его привезли дети в 92-м году из Гомеля, где он жил всегда, кроме тех лет, когда был на войне и в лагерях. Его ранили под Харьковом, и он попал в плен. Потом уже были лагеря, немецкие и советские, а теперь он опять в Германии.

Он уже пять лет не выходит на улицу, и только балкон в доме, где до него жили американские военные, стал его средой обитания. Он сидит в кресле на балконе, и перед ним поле, огромное поле, которое за год меняет цвет от белого до разноцветного; сначала оно долго белое, а потом оно зеленеет, а потом оно краснеет от садовой земляники, потом оно становится малиновым, и добрые немецкие бауэры разрешают собирать на поле малину.

Кремский никогда не ест эту малину, никогда, потому что он работал в войну у этих добрых людей и наелся еще тогда их добротой.

У него в доме нет пяти мешков для раздельного сбора мусора: немцы прекрасно все сортируют - людей в печи, детские ботиночки отдельно, волосы отдельно, кожу на абажуры. Он в лагере сортировал горы теплой еще одежды, оставшейся от людей, которые сгорели.

Он помнит сладкий дым, падавший черными хлопьями. Он не делал

операцию на своей ноге в Германии, не хотел пользоваться опытом немецких врачей... Он сидит на балконе и пытается понять, почему он, победитель в прошлой войне, отсидевший в концлагерях, не сумел обеспечить нормальную жизнь своим детям и внукам на родине.

Почему он должен на старости лет жить на земле убийц своей семьи и радоваться тому, что они живут с чувством вины за преступление своего народа, всего народа, который с удовольствием во всем участвовал.

Раньше его возили в супермаркет в центр городка, где они жили, и чудесные старушки и не менее чудесные дедушки с нескрываемым страхом смотрели на его номер на руке. Не номер телефона для старика, который может заблудиться, а номер узника в лагере, где его не успели сжечь. Он заметил, что они никогда не берут продукты, которые он трогал своей оцифрованной рукой.

Да, была ужасная война, говорят они, мы и не знали о чудовищных вещах, но французские сыры и польские колбаски были прелестны, и чулки, и духи, и сумки,

и мало ли что присылали Фридрихи и Гансы с фронтов этой ужасной войны.

Ночью Кремский сидит на балконе, рядом столик, он курит. Ему тысячу раз говорили, что надо бросить. Но он столько потерял за свою жизнь, что теперь бросать ему уже ничего не надо.

Двадцать восемь душ в гомельском гетто остались в яме навсегда, их убили соседи, которые вместе жили, учились, одалживали соль и спички. А потом самые ловкие из них надели белые повязки и стали убивать своих соседей под руководством доблестных немцев, а за это убийцам дали растащить имущество восьмидесяти двух убитых, но только после эффективных менеджеров из хозяйственных служб вермахта и СС.

Кремский видел свой буфет и швейную машинку у своего прежнего соседа, который потом сидел в советском лагере вместе с ним. В советском лагере соседу дали 25, а Кремскому - 10, они жили в соседних бараках и вышли вместе в 1956 году.

На балконе он сидит до утра, на малиновом поле тихо, но скоро добрые бауэры откроют ворота, и веселые еврейские дети из Шяуляя, Риги, Бишкека и Гомеля пойдут есть малину. А пока только прожекторы шарят по полю, и что-то далекое встает в памяти Кремского.

Вот ему кажется, что сейчас завоюют сирены и собаки и он опять встанет в строй и побежит сортировать, сортировать - детские рубашечки туда, башмачки налево, сандалики направо, евреи направо и налево, дети отдельно, старики отдельно, бабушки отдельно. Ордунг.

У него три медали, остальные послевоенные побрякушки он не признает, он

и военные не сильно жалуется: три медали не вернут ему бабушку Цилю, Осю, трехмесячную Хаечку, он помнит каждого, ему хватит своих убитых. А тех, кто до сих пор пересчитывает убитых, сомневаясь, было их шесть миллионов или меньше, он не слышит, нет таких совершенных калькуляторов, считающих души, да упокоятся они с миром.

В Союзе он не носил медали, да и здесь, в Германии, он их ни разу не надевал. Демонстрировать немцам свои награды ему противно: зачем, разве эта демонстрация даст остыть его боли и ненависти.

Он не желает мести, ему просто ужасно жить рядом с людьми, предки которых виноваты в том, что он уже давно мертвец.

Сегодня к нему приходил внук, он работает в госпитале для стариков, он им моет задницы, массирует ноги, перекладывает, кормит и все такое.

Они любят его, Гришу, он добрый. Особенно его любит дедушка Вилли, безногий ветеран люфтваффе, он обожает Гришу и дарит ему из своей пенсии каждый месяц денежку. А дедушка Ганс, награжденный двумя железными крестами, подарил Грише свой старый мотоцикл, Гриша - байкер и гордится раритетом.

Кремский слушает своего внука, еле сдерживая свою ненависть к стране, где он доживает свой век, и только ночью он, сидя на балконе, позволяет себе не сдерживать себя.

Когда он умрет, он желает, чтобы его сожгли. Это, правда, не по еврейскому закону, но ему кажется, что его пепел соединится с пеплом его семьи, и он ее опять обретет.

И ЭКСТРА, И ВАГАНТНО

Интервью в интернете

Белла КЕРДМАН

Передо мной вынутая из почтового ящика бандероль брошюрного формата: "Некорректные задачи". Два автора: Владимир Голубятников и Илья Лифлянд. Издана в Новосибирске, в 2019-м году. Содержание 16-страничной книжицы неожиданно: это сонеты, более того - это венки сонетов, довольно редко встречающаяся форма поэзии. Оба автора - профессиональные математики, доктора своей науки, правда, работающие в разных ее областях. К тому же граждане разных стран.

С Лифляндром мы знакомы несколько лет. Он израильтянин, репатриант Большой алии 90-х и мой читатель. Время от времени я получаю от него письма. Как правило, по делу. Так, однажды я повторила в статье старую легенду: мол, П.Л.Капица выступил по радио на идише. Это была ошибка, великий физик не знал еврейского языка, просто кто-то перевел его речь для слушателей-евреев, поправил Илья. В другой моей статье он обнаружил название штетла, где могут быть его корни, узнал с моей помощью координаты человека, отсюда родом, и, действительно, нашел таким образом какую-то родню. Написал: "Я взялся за дело примерно так, как берусь за очередную математическую задачу. Надо сказать, что "драйв" той же примерно силы".

Что математик этот - мой респондент убежденный, страстный, я знаю по виртуальному диалогу, который провела с ним в интернете и опубликовала в газете в 2017 году. На мой вопрос: "Что для вас математик - алгебраист, геометр, школьный учитель, работник НИИ, еще кто-то?", ответил: "Для меня "математик" - это человек, занимающийся научной ее стороной, то есть решающий задачи (в широком смысле), которые никто никогда от него не смог решить, да и возможность решения проблематична". В этом смысле программирование, которым пришлось заниматься в Союзе, Илье было неинтересно - там задачи, считает, решаемы. Ну да: настоящий математик, как правило - немного сноб. В Израиле зато Илья Лифлянду удалось реализоваться быстро

Владимир Голубятников и Илья Лифлянд

и полностью: здесь он, доктор математики, сотрудник Бар-Иланского университета.

Работа со словом, как, кстати, и шахматы, которыми он увлечен с детства, для Ильи, да и для его новосибирского коллеги, сродни игре с математическими задачами, о чем они пишут в предисловии к своему венку сонетов. Тут идет "поверка алгебры гармонией". Люди старшего поколения помнят популярное в свое время в Союзе ристалище "физиков и лириков", в котором у первых было явное преимущество: "физику", вроде бы, "поверить алгеброй гармонию" запросто, а попробуй "лирик" поверить поэтическим словом "физику", в нашем случае - математику!

Я поблагодарила Илью за присланное произведение, он ответил... И у нас снова завязался, виртуальный диалог, который может быть интересен читателю.

БК. Вчера получила вашу бандероль. Спасибо, Илья. Впечатляет сам факт содеянного двумя солидными учеными. Ну, что сказать? По метрике стиха - и экстра, и вагантно, то есть вполне законный венок сонетов! По части поэзии - не Шекспир (или как его звали на самом деле), но тоже вполне. Почему из моей памяти первым делом при слове "сонет" вынырнул этот классик, что вдруг? - спросили бы в Одессе. А вот что. Однажды, давно тому назад, меня, занимавшуюся в одесской областной газете проблемами сельского хозяйства, взяли в поездку за передовым опытом в Новомосковский район, Тульской области. В колхоз,

которым руководил Василий Стародубцев. Вам ничего не говорит это имя? Ну, как же, один из затейников ГКЧП. Какого черта этот талантливый, неординарный человек туда влез - до сих пор не пойму: брат сидел "по политической", вроде бы и отец тоже. Да и сам, в свое молодое время летчик-испытатель, был уволен за какие-то рискованные новации. Потом его назначили начальником шахты. В конце концов, вручили отстающий колхоз. И вскоре по стране пошли слухи о чудесах в хозяйстве Стародубцева: мол, по полям проложены в нужных местах асфальтовые дорожки. Автоматизированы почти все процессы на фермах. А главное чудо: в колхозном магазине колхозник может купить дубленку (!) по госцене! И гуляла по отрасли фраза Стародубцева: "Если бы я мог отгородиться высоким забором от всей страны, у меня давно был бы коммунизм!"

Делегация - человек 10-15 - которую отрядили за опытом из Одессы, состояла из начальства: главных специалистов Облсельхозуправления, кое-кого из руководителей колхозов-совхозов и ученых. Возглавил ее зампредела облисполкома. Вот куда меня включили. И мы поехали. В вагоне с двухместными каютами (не помню, как они назывались), где, кроме нашей делегации, никого не было. По прибытии в Новомосковск, мы рассчитывали сразу же отправиться в хозяйство Стародубцева. Но тут вышел облом: хозяин принимал высокого гостя - кубинского генерала и сказал, что человека три одесситов, не больше, могут сейчас подъехать, он вышлет машину.

Я, единственная в делегации женщина, вошла в ту тройку.

В председательском кабинете обретались на тот момент тоже трое: Сам хозяин и кубинец с переводчицей. И были они уже под коньячком. Нам предложили догнать, а тогда уже разговор пошел на равных. "Пожмите ему руку, - предложил мне Стародубцев, имея в виду генерала, - он лично видел корову по кличке Белое Вымя, мировую рекордистку по надоям". Была названа цифра, которую я еще помнила по приезде в Израиль на ПМЖ в 1994 году. Но узнав, что у нас есть куда более высокоудойные коровы, забыла. Только имя той кубинской рекордистки помню.

Но сонеты, сонеты где?! Сейчас будут. Они меня тогда поразили больше, чем даже дубленки по госцене колхозной лавке. Сонеты Шекспира в тот вечер читал на память председатель колхоза Стародубцев. И не один-два, много! Возможно, что и "венки" среди них был.

И.Л. Белла, да, вы меня удивили. В моем представлении Стародубцев - мужик от сохи. А он вона как! Тогда действительно, куда его несло? Я тоже перед сонетами могу рассказать историю. И тоже про колхоз. У меня есть давний товарищ Боря Сорокин. Его отец, Абрам Борисович Сорокин, учитель по профессии и инвалид войны, был председателем передового колхоза в Донецкой области. Когда Брежнев навещал знаменитого еврейского председателя Егудина, Щербицкий по ранжиру ездил к Сорокину. Так вот, А.Б. году в 1958-м или 59-м стал Героем Соц. Труда (Гертруда в обиходном слове народа). Поэтому, собственно, к нему и ездили. А тогда по положению Гертруда в сельском хозяйстве, если в следующие несколько лет он повторял свои достижения, автоматически получал второе звание. Но это уже было слишком для еврея. И замучили его проверками. Году в 1962-м накопили (якобы) уголовщины чуть ли не на "вышку". Но дали орден Трудового Красного знамени и успокоились. Между прочим, у А.Б. и его рано ушедшей украинской жены были четыре дочери и младший сын Боря. В 90-е одна из дочерей увезла отца в Штаты. Там у него все было на уровне, но он страшно тосковал. Когда мы встретились, он по секрету попросил меня передать Боре, чтобы тот его забрал. Я Боре передал и это, и мнение семьи, что он в Украине долго не протянет. Так и вышло:

Боря его забрал, а через год папа умер. Впрочем, ему было 94 или 95. В памяти людей из того села А.Б. оставался неким легендарным божеством.

Теперь и к сонетам можно. Стародубцев наверняка вам читал переводы Маршака. Я их знаю и ценю. Но интересуют меня также другие переводы, и они существуют. Шекспир, кстати, венков не писал. У меня собрана подборка венков сонетов. Не думаю, что в мировой литературе их сотня наберется. В английской я знаю только у Джона Донна. Суровый Дант, который не презирал сонета, венков, однако, не оставил. Возможно, в его времена такой идеи в поэзии не существовало.

Я много чем увлекался с раннего возраста, в том числе захаживал иногда в зону "лириков", да и сейчас туда заглядываю. Даже рисовал вполне прилично, и мелодию случалось подобрать к понравившимся стихам. Изредка пытаюсь писать стихи, специалисты признают, что да. Особенно интересуют меня переводы поэзии. В частности, я всерьез увлекся переводом известного стихотворения английского классика Редьярда Киплинга "Если". Впрочем, им многие русские поэты увлекались. В интернете среди переводчиков называют Маршака, Лозинского, Пастернака, Бунина, Симонова, Искандера и прочих (меня пока не называют). Про перевод Бунина я никогда не слышал, буду искать. Кстати, у меня, кроме русских переводов, есть перевод этой его работы на украинский - Василя Стуса. А также пара испанских и пара немецких.

В переводе Киплинга я поостязался с Маршаком. Просто интересно было. Потому, во-первых, что Маршак в одном месте позволил себе советский штамп: "... с народом связь хранил". Киплинг бы снова умер, если бы ожил. Во-вторых, Маршак (как и многие другие) допустил грубую переводческую ошибку. А, в-третьих, я попытался решить чисто языковую проблему. У Киплинга ключевое и заглавное слово "если". Но в английском оно односложное: "if". А русское "коль" в данном случае звучит почти уродливо. Повезло Стусу: украинское "колы" (когда), которым он заменил "if", уместно по смыслу и пришлось к метрике стиха. Многие переводчики метрикой особо не заморачивались, но я захотел

быть ближе к оригиналу. И, как мне кажется, решил проблему: строго в тех местах, где у Киплинга "if", поставил союз "и". Получилось приемлемо. К сонету я вообще питаю слабость. Если мне нужно написать кому-нибудь "датское", то почти сам собой получается сонет.

Б.К. Между прочим, в интернете опубликован неплохой перевод Владимира Корнилова. У него ключевое слово: "когда" - то же, что и украинское "колы" у Стуса. Посмотрела ваш перевод Киплинга. В общем - нормально. "И" там вполне уместно. Однако существует несколько слов, которых, по мне, в стихах не должно быть. Одно из них у вас, к сожалению, присутствует: "ведь". Я тут же о него споткнулась: "И если и с успехом, и с бедою / Готов мириться, ведь их голос лжив". Понятно, оно вам по мерке строки понадобилось, но... Жаль.

И есть слова и сочетания слов непонятные мне в изданном вами с Голубятниковым венке сонетов собственного сочинения. То ли они там тоже для выдержки размера, то ли это стихи для высокомерных "физиков", а нам, "лирикам", не по зубам. Ну, что такое "размерность бесконечная компактов"? А "у каждого особенная комма" (так, с двумя "м")? Кстати, этот веночек безымянный или оглавление брошюры - "Некорректные задачи" - и есть название произведения?

Теперь насчет "датских" стихов. Побывали бы вы, Илья, на "мероприятии" в зале нашего хостела! Где старые евреи почти все поголовно пишут "стихи"! И рвутся на публику со словами "Я не поэт, но зато - от души"! Я бы на вас тогда посмотрела... Одной даме с высшим образованием и вполне нормальной устной речью, гордо читающей на публике кое как срифмованную хрень, я сказала: "Еще раз выйдешь со своим творчеством", я покину зал, громко топая ногами и хлопнув дверью! Подействовало, на публику пока не выходит.

А вот вам просто потрясающая история. Жила-доживала в Реховоте актриса Эльша Беленькая, из театра Михозлса - одна из последних. Я успела с ней встретиться и сделать очерк. Спустя какое-то время, мне позвонил и затем заехал ее сын, проживающий в Москве. Доктор наук - то ли физики, то ли химии. Поблагодарил, вручил цветы. И оставил на прочет книжницу своих стихов.

Извинился, что подарить не может - остался единственный экземпляр. О, какими графоманскими были эти сочинения! Возвращая книжку, я сказала, как есть. Человек огорчился: это был его третий сборник, и никто, никогда ему такого не говорил, все хвалили. На следующий день позвонил, сказал, что не спал ночь. И что будет очень стараться, и непременно напишет хорошие, настоящие стихи про "Яд ва-Шем". Я ответила, что это невозможно. Если бы в его сборнике нашлась хоть одна строка, одна рифма, один образ от поэзии, была бы надежда. Увы, не нашлось. А ведь этот человек вырос за кулисами ГОСЕТа, его даже называли Соломоном, как Михозлса. Я спросила, нет ли у него каких-то воспоминаний о великом актере, о его театре. В ответ - недоуменное молчание. А вы говорите...

P.S. Пожалуйста, пришлите перевод Киплинга Василем Стусом, я украинский язык неплохо знаю, когда-то он был для меня рабочим.

И.Л. У меня более терпимое отношение к стихотворной самодеятельности. Ну, человек же не знает, что это плохо, у него душа просит. К тому же "датские" стихи - просто давняя традиция. Относительно изданного венка сонетов - да, так мы его называли: "Некорректные задачи". Затрудняюсь разъяснить наши математические забавы. Это как бы на другом языке, но, поверьте, там вполне уместная терминология, а не набор случайных слов для метра. Да, к моему (тоже) удивлению, есть такой музыкальный термин: "комма". Не забывайте, что это работа двух авторов, каждый что-то вносит. И я бы в жизни сам не стал этот поэтический диалог издавать. Но и сильно противиться Володиному желанию не стал. А если бы это был не веночек, не стал бы и записывать. Но уверенности, что я просто забуду о его существовании, тоже нет. Как карта ляжет. Потому что всерьез стихов я не пишу и писать вряд ли буду. А большую часть своего баловства со словом даже не записываю. Если бы я делал что-то жизненно волнующее, то еще годик-другой правил бы. Например, моя эпиграмма в предисловии к посланным вам "Некорректным задачам", в которую я действительно вложил душу: "Я не спрошу, зачем несешь ты вздор / И поджимаешь хвост, едва сгустились тучи, / Ответ лишь на

вопрос, несчастный живодеи, / Зачем лошадку с крыльями ты мучишь?" От замысла про лошадку до нынешнего варианта, вроде бы полноценного (так профессионалы говорят), прошло чуть ли не 40 лет. Не непрерывной работы, конечно, но разглядываний и неудовлетворенности.

Я, возможно, заведу файл, где буду держать изданное и "доводить", то есть улучшать правкой.

Б.К. А лошадка ведь не только крылата, а и хвостата. И ваш трусливый персонаж тоже хвостат. Не перебор ли: на четыре строки целых два хвоста!

И.Л. Вы уверены, что не бывает бесхвостых лошадей?

Б.К. Уверена, что Пегас роскошно хвостат, непременно!

Но - шутки в сторону. Отношение к стихам как "баловству для себя" я не приемлю. Если остается время от работы и бытовых занятий, пусть бы человек рисовал, составлял или решал кроссворды, вышивал крестиком... Предвижу вашу реплику: мол, самодельное искусство чем лучше самодельного стихоплетства? О, нет - рисунок по сравнению со словом недвижим, его другой индивид повторить не может (разве что в интернете, но это хлопотно, непросто. А графоманских стихов начитавшись, неискушенный в поэзии человек, будет считать, что это она самая - поэзия, и что он тоже может. Но бывает, конечно, что сам о себе человек что-то узнает не сразу и даже случайно, и даже поздно. Причем неожиданно одаренные люди случаются даже в неожиданной среде...

И.Л. Попытался уйти от неуместного "ведь". Вот что вышло: "И если не живешь ты лишь мечтою, / И мысль не ставишь целью основной, / И если и с триумфом, и с бедою / Считаешься ты мерою одной..." "Стало это лучше или хуже, на ваш взгляд? Если лучше, не потерял ли что-нибудь при переделке? И в целом: мой перевод этого стихотворения Киплинга хотя бы точнее маршакковского?"

Б.К. По-моему, четверостишие отредактировано вполне удачно - по сравнению с предыдущим вашим же. Сравнить ваш перевод Киплинга с маршакковским в целом я не смею: для начала надо бы соотнести оба перевода с оригиналом, а я не владею английским. Скажу дипломатично: ваши стихи не хуже. Однако же оба они при первом же взгляде

воспринимаются как переводы. Причем трудно давшиеся переводы. И так воспринимаются все переводы этого программного произведения. Именно переводы, переложения, когда русский поэт старается буквально следовать великому англичанину.

Кстати, для меня Киплинг - это прежде всего "Бремя белого человека". Правда, в сегодняшних реалиях он, возможно, написал бы его несколько иначе. Или вот "Сапоги" того же Киплинга (песня "День, ночь, день, ночь. / Мы идем по Африке..."). Эти вещи совершенно органично звучат по-русски. Вероятно, тут содержание близко ментальности носителей русского языка. Патриотическое стихотворение "Если" в некоторых переводах называют "Завещанием", а где-то вводят в школьную программу и выучивают наизусть. Это, повторю, сложный перевод, если сделать его адекватным оригиналу и по серьезному смыслу, и по метрике. Поэтому некоторые поэты пишут просто "по мотивам" Киплинга, не всегда ссылаясь на него. А "Мохнатый шмель на душистый хмель..." Григория Кружкова, ставшее песней в кинофильме "Жестокий романс" на "слова народные" - это уже совсем другой, неожиданный Киплинг. Вернее, это по мотивам Киплинга. Такого также известного стихотворение Пастернака "Быть знаменитым некрасиво..."

И.Л. Я спародировал именно Пастернака, когда Советы держали меня в программистах, не пуская в математики: "Быть программистом некрасиво, / Не это поднимает ввысь. / Не надо заводить архивы, / Над распечатками трястись". Мне это казалось смешным, потому что слово "архив" имеет и несколько иной, сугубо профессиональный смысл, то есть его не пришлось менять. А вообще к переводам Киплинга надо относиться осторожно. "По мотивам" работали большинство переводчиков, не умея или не желая передать метр оригинала. Например, у Симонова очень энергичные и хорошо звучащие работы, но к Киплингу это имеет косвенное отношение. Мой знакомый шотландец, неплохо знающий русский язык, а английский, само собой, в совершенстве, только с моим толкованием согласился признать присутствие Киплинга в русском "Мохнатом шмеле".

Б.К. В интернете есть в теме Киплинга речитативом

исполняемые под гитару "Серые глаза" Симонова. И по-русски, оказывается, поют "Если" в переводе Маршака, а также "Завещание" - то же "If", не поняла в чем переводе, под гитару же. Барды Никитины поют "Раба, который стал царем" и "На далекой Амазонке" на музыку Берковского. У Киплинга много ли таких стихов - не программных, а лирических? И еще: где-то поют его в оригинале, по-английски? А в Англии своего классика поют - кроме "Сапог" (они же "Башмаки", они же "Пыль")?

И.Л. Хороший вопрос. Я не знаю толком. Скорее нет, чем да. Это и про лирику, и про пение. Я вообще о такой традиции в Англии не слышал. Но зато, пересматривая своих Киплингов, нашел явный сонет. Сложный. Но я непременно возьмусь за его перевод.

Б.К. Сейчас подумала: а не завести ли мне сайт, куда помещать неожиданные, нетипичные для того или иного автора стихи? И первыми я бы занесла туда вот эти строки: "Когда сюда, на этот гордый гроб, Придете кудри наклонять и плакать". Я много лет время от времени заглядываю в оригинал: неужели вправду "Дон Жуан", неужели Пушкин? Кто так писал в его времена?! Этот рококо четырех "р", это "кудри наклонять и плакать"? Ну, явно же из русского поэтического языка шестидесятых... И там поместила бы текст песни из кинофильма "Последний дюйм". Помните: "Тяжелым басом гремит фугас, / Ударил фонтан огня. / А Боб Кеннеди пустился в пляс, / Какое мне дело до всех до вас? / А вам до меня?" Песня воспринималась вполне "импортной", а стихи, оказывается, написал поэт-фронтовик Марк Соболев, публиковавший совсем непохожие стихи. Можно туда скачать несколько неожиданных стихотворений Рождественского, опубликованных после его смерти. А также потрясающую по емкости и актуальности строфу "недораскрученного" поэта - Игоря Кохановского, друга Высоцкого (хотя его "Бабы лето" поют повсюду): "Держава, обессиленная в пытках, / Еще не знала о потерях сухих, / Не знала, что количество убитых / Откликнется ей качеством живущих". Возможно, и "Мохнатому шмелю" найдется место на таком сайте...

Спасибо, Илья, за интересное общение, благодаря которому для меня открылся и "другой" Киплинг.

НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КНИЖНОЙ ЯРМАРКЕ

Впервые за всю историю существования Международной книжной ярмарки NON/Fiction Израиль был избран Почетным гостем именно 21-й ярмарки, которая прошла в Москве 5-9 декабря 2019 г. О ней и о Дне Израиля нашему корреспонденту рассказывает доктор Виктор Радуцкий. Виктор - известный переводчик на русский и украинские языки и с этих языков на иврит, выпустивший в свет более 40 книг (с переизданиями!) своих переводов, представивший на Международной книжной ярмарке 12 книг своих переводов с иврита на русский.

Виктор Р. В Москву я приехал по приглашению посольства Израиля в Российской Федерации, специально для участия в Дне Израиля, который проводился в рамках престижной ярмарки, собравшей книгоиздателей из многих стран Европы. На ярмарку прибыла представительная делегация израильских писателей и литературных критиков.

Я расскажу лишь о тех, с кем встретился и работал в качестве переводчика, а также не могу не отметить успех бывшего посла Израиля в Российской Федерации госпожи Дорит Голендер-Друкер, автора книги "Домашние секреты посольской кухни", изданной в Москве в 2018 году. Дорит представляла свою замечательную книгу в рамках ярмарки, выступив перед публикой на тему "Кулинария и дипломатия".

Главный день Израиля - по расписанию ярмарки - 8 декабря. С утра было оживленно в павильоне Израиля, московская публика заполнила просторный лекционный зал, внимательно слушала писателей и критиков, приехавших из Израиля.

Одним из них был Эшкол Нево (род. 1971), внук третьего премьер-министра Израиля Леви Эшкола, уроженца Украины. Эшкол - автор пяти романов, ставших бестселлерами в Израиле, вышедших во многих странах мира. В Москве в 2019 году увидел свет его роман "Три этажа". Амос Оз был его наставником в университете, поддерживал и в дальнейшем талантливого писателя, написал о его романе: "У Эшкола дар рассказчика и эта книга - лучшее тому подтверждение".

Я эту книгу прочитал и присоединяюсь к мнению классика.

Кульминацией Дня Израиля на Международной ярмарке были два события, завершавшие этот день.

Первое - презентация романа Давида Гроссмана "Как-то лошадь входит в бар". Роман увидел свет в Москве летом 2019 года в моем переводе на русский.

Второе - вечер, посвященный Амосу Озу, в ходе которого отмечались 25-летие выхода в свет его романа "Мой Михаэль", включенного в список 100 лучших романов двадцатого века. "Мой Михаэль", первый израильский роман, переведенный на русский, вышедший в новой России в 1994 году. Отмечалась и первая годовщина со дня смерти писателя.

Огромная аудитория собралась послушать Давида Гроссмана, рассказавшего о своем романе, отвечавшего

Давид Гроссман (справа) и Виктор Радуцкий на пресс-конференции

Дорит Голендер и Давид Гроссман

Книга Давида Гроссмана "Как-то лошадь входит в бар"

на вопросы читателей и сотрудницы издательства ЭКСМО, которая подготовила более двух десятков вопросов к писателю. Я с огромным удовольствием участвовал в диалоге писателя с его читателями в качестве переводчика.

Затем Давид Гроссман, подписав около сотни своих книг по просьбе российских читателей, вернулся в зал, где прошла завершающая стадия вечера.

Кроме Давида Гроссмана, в вечере участвовали и Эшкол Нево, прочитавший прочувственную речь в память об Амосе Озе, своем учителе, и Иоси Тавор, известнейший израильский журналист, в прошлом редактор и ведущий передач израильского вещания на русском языке, посвященных израильской и мировой культуре. На столе, стоявшем на сцене - восемь томов романов Амоса Оза, выпущенных в Москве к 75-летию писателя (2014 г.), раритетное издание 1995 года романа "Мой Михаэль" с вклеенным на первой странице обращением Амоса Оза к русскому читателю, которое Амос Оз

надиктовал мне по телефону незадолго до своей кончины. В зале среди публики - издатели и романа "Мой Михаэль", и восьмитомника Амоса Оза.

Замечательно говорил Эшкол Нево о своем учителе и старшем друге, а Иоси Тавор великолепно прочитал отрывок из последней книги Амоса Оза "Из чего сотворено яблоко".

Но подлинным потрясением была речь Давида Гроссмана о своем друге Амосе Озе.

Публика стоя аплодировала Давиду Гроссману. Мне лично никогда не забыть слова пожилой москвички с интеллигентным лицом, которая сказала мне после вечера: "Я целый день провела в израильском павильоне, я восхищена тем, что я увидела и услышала. Слова Давида Гроссмана об Амосе - самое сильное впечатление об этом незабываемом вечере".

Давайте же почитаем то, что сказал Давид Гроссман.

Текст, который печатается с его разрешения, перевел В.Радуцкий. Кстати, 25 января писателю исполнилось 66 лет. Пожелаем ему здоровья и успехов.

Слово об Амосе, учителе и друге

Давид ГРОССМАН

Амос был мне учителем и другом.

Раз в месяц, примерно, ранним утром я отправлялся из своего дома, что неподалеку от Иерусалима к Амосу в Рамат-Авив. Он, бывало, готовил мне "самый лучший кофе в городе", - как он говаривал, и мы усаживались и беседовали.

Я не очень уверен, что это был самый лучший кофе в городе, но компания, уж точно, была самой-самой лучшей.

Мы говорили о ситуации в стране. И, кажется, что нет исхода из этой

ситуации. Об этом кровопролитии, которое продолжается уже более ста двадцати лет. О нашей общей мечте, что разбилась вдребезги, говорили мы. О книгах, которые читали. О других писателях. О книгах, которые мы писали, о проблемах и сбоях в процессе письма. О наших семьях говорили мы. О наших внуках, и о той реальности, которую мы им оставляем.

Не с легкостью завоевал я его доверие. Думаю, что жизненный опыт научил Амоса быть немного подозрительным или, по крайней мере, осторожным в своих отношениях с людьми. Во время наших первых встреч он сидел в кресле напротив меня, но корпус его и лицо были повернуты в сторону. Слушал мало, говорил много. В сущности, читал лекцию.

Но с каждой новой встречей он поворачивался в своем кресле еще на несколько сантиметров в мою сторону. С каждой новой встречей он все меньше ораторствовал: он разговаривал, он слушал.

И когда он сидел лицом к лицу со мной, я знал, что Амос начинает мне доверять.

В нем было величие, и было в нем благородство. Благородство несколько анахроническое, благородство девятнадцатого века. Это отнюдь не значит, что ему неведомы были сильные страсти, бурные порывы, черты и бесы, выскочившие прямо из книг Достоевского. И я знаю, - и как друг, и как читатель, - до чего же сильно и упорно он сражался с ними. Его книги - описание этой борьбы, и не важно, о чем он писал. Но на протяжении многих лет и многих книг появилось ощущение какого-то внутреннего равновесия, чистоты, ясности, которые позволили ему устоять с максимальным героизмом, вынести сложнейшее бремя, требующее столь многого, жадно поглощающее все силы: "Быть Амосом Озом".

Мне кажется, что это давалось ему совсем не легко - быть Амосом Озом. Быть человеком, на которого устремлены взоры огромного количества людей со всех просторов планеты, ждущих его советов, замолкающих, когда он говорит, видящих в нем Учителя, Вождя и даже Пророка.

Нелегко ему было быть тем человеком, воображаемому образу которого множество людей - и не однажды - поверяют свои мечтания и помыслы, надежды и разочарования.

Нелегко было ему быть человеком, объектом для волн любви и восхищения, в которых всегда есть некая идеализация. И нелегко было противостоять пропитанной враждебностью, явной демонизацией атакам тех, которым творчество Амоса будто бы обещало нечто, да, обещало - но, по их мнению, в жизнь так и не воплотило. Атаки разочарованных влюбленных, которые

превратились в истых ненавистников.

Ведь, в конце концов, идеализация и демонизация - это два лица дегуманизации, и Амос отлично был знаком с ее возможностями нанести злые увечья, с ситуацией, в которой ты либо соблазняешься историей, которую чужаки внушают тебе, либо ты сам становишься пленником своей собственной внутренней истории. Как трудно прокладывать свой путь через все это и тем не менее при этом сохранить в себе человечность - личную, интимную, подлинную. Те, кто знали Амоса, чувствовали: иногда необходимо сверхчеловеческие усилия, чтобы быть человеком. И еще большее усилие, - чтобы быть человеком наивысшего качества. Таких у нас в Израиле называют "менч" - "Человек". И нет высшей похвалы: "Он - "менч"...

Именно таким он и был: "менч"...

И, возможно, труднее всего было сотворить самого себя из руин мальчика, мать которого покончила жизнь самоубийством. Хрупкого, не окрепшего ребенка превратить в Человека, чья мудрость и личность наделяют его несомненным авторитетом, силой и мощью лидера в глазах миллионов людей, в Израиле и во всем мире.

Я часто думаю об Амесе-писателе и Амесе-публицисте, и о том, что существует в его творчестве, которое столь сильно вдохновляет его читателей, потрясает и будоражит, вызывает их возражения. И так будет продолжаться еще много-много лет.

Я думаю о его вымышленных персонажах, но и о людях реальных, которых он встретил в своих странствиях по Израилю осенью 1982 года, путешествии, породившее одну из его лучших книг "Здесь и там на земле Израиля". Когда мы читаем эту документальную книгу, то с нами случается то, что произошло потом с неисчислимым множеством читателей его романа "Повесть о любви и тьме": мы чувствуем, что непрестанно соприкасаемся с какой-то неуловимой тайной, лежащей в основе израильского бытия. Трудно определить словами эту тайну: некий непрерывный душевный трепет, ощущаемый сознанием. Трепет древней памяти и невыносимых травм, которые до сих пор все еще не до конца поняты и осмыслены по-настоящему. Трепет глубокой экзистенциальной незащищенности, которая появляется у нас, израильтян, вместе с каким-то самовозбуждением и самоуверенностью, исполненной нетерпения. Но более всего мне кажется - это трепет жуткого тысячелетнего оскорбления, обиды, и нет им утешителя; обиды народа преследуемого и ненавидимого, который едва не уничтожили. Как волнующе читать все это в книге. Как тяжело жить с этим.

Каждый писатель, каждый человек выделяет из реальности те знаки, те знамения, которые им, по всей видимости, суждено искать, - в силу особенности личности и жизненных обстоятельств. И суждено найти ИХ (главным образом - именно ИХ). В этом аспекте книги Амоса, и прежде всего "Повесть

Иосиф Тавор читает отрывок из книги Амоса Оза

о любви и тьме" - они, несомненно, отражение семейной биографии автора, различных убеждений, политических и идеологических течений, коммунистических и ревизионистских, побуждений и противоречий, бушевавших в этой семье с неумемной силой.

Именно эти силы, эти противоречия делают книги Амоса и его персонажей - реальных или вымышленных - актуальными, захватывающими, необычайно волнующими. В конце концов, только законченные фанатики по обе стороны политической баррикады уверены, что абсолютная истина у них в кармане, отвергая и отрицая все аспекты реальности, которые не соответствуют их мировоззрению и запросам. Амос, в своей личной биографии и, возможно, благодаря строению его души, - вместил противоречия, крайности, противоположности, а также всю непрерывность между ними. Они беспрестанно пробуждали в нем что-то, возбуждали в нем нечто, завлекали его, соблазняли.

И поэтому, завершая путешествие со своей книгой, с каждой своей книгой, - Амос Оз выражает четкую моральную и политическую, и человеческую позицию, то ведь мы, его читатели, прошли вместе с Амосом весь этот процесс. Прочувствовали

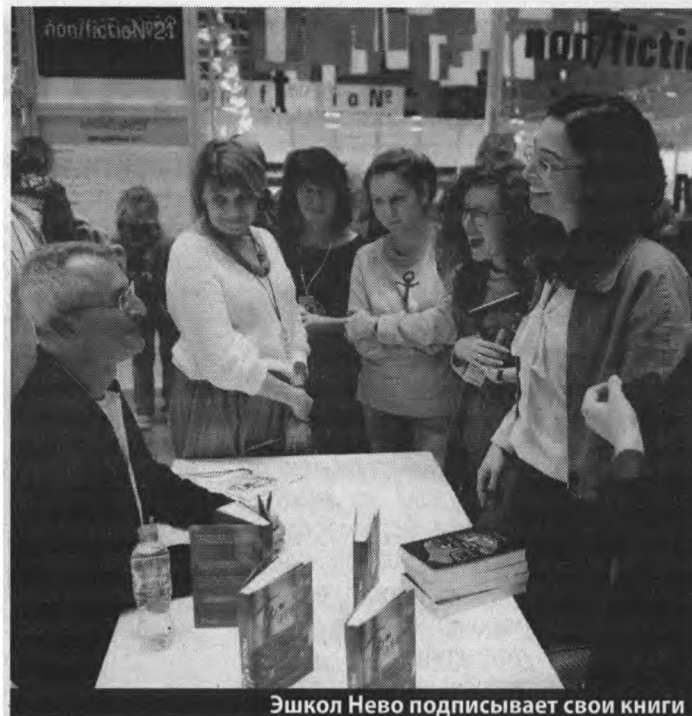
всю последовательность. Ощутили, как разворачивается внутри нас широкий веер эмоций и мыслей, побуждений, инстинктов и страстей. Причем и таких, что отвратительны для душ наших. И даже таких, про которые мы знаем, что они - некий вид извращенности и увечности, и они, как говорится, "блуждают в семье из поколения в поколение". Теперь же, - благодаря Амосу и его уникальному таланту, - мы побывали в самом нутре его героев, обожжены ими, возможно, даже соблазнены ими, но поняли их немножко лучше.

Мы также чувствовали колебания, сомнения того, кто их описал. Временами мы отдалялись и от него: иногда он и сам казался персонажем одной из своих книг, этаким "прекраснодушный", честный, порядочный, логичный, рациональный, вызывающий у нас удрученность, а иногда даже и гнев своей беспомощностью и бессилием улучшить, хотя бы на самую малость, наше существование в пространстве, охваченном конфликтами и кошмарами...

До сих пор - об Амесе-писателе, Амесе-мыслителе. Философе. Лидере.

Но я хочу сказать еще несколько слов об Амесе - человеке.

Он сказал мне однажды: "В юности

Эшкол Нево подписывает свои книги

я ненавидел своего отца, потому что думал: это он довел мою маму до самоубийства. А потом я ненавидел свою мать - как она со мной поступила? Как это она ушла из дома, не сказав, куда же она идет? Ведь она всегда требовала, чтобы каждый из нас, уходя из дома, оставлял под вазой крохотную записочку, сообщив, куда он идет..."

"А главное, я ненавидел самого себя, - сказал Амос. - Если моя мать покончила с собой, то, видимо, только потому, что я не был ею любим в достаточной степени. Как же такое может быть? Ведь даже матери нацистов любили своих сыновей, а моя мама - нет?"

И только когда родились мои дети, - продолжал Амос, - я начал жалеть своих родителей. Любить их. Только тогда я смог понять их. И когда я писал "Повесть о любви и тьме", я был немножко "родителем своих родителей"...

На нашу последнюю встречу, примерно, за месяц до его смерти, он просил, чтобы я привез Михаль, мою жену. И это была совсем другая встреча по сравнению со всеми предшествующими. Амос был в ударе - забавный, остроумный, ироничный, блестящий. В присутствии женщины он весь расцвел. Он рассказывал о своей молодости в кибуце Хулда, об учебе в университете. Он замечательно пародировал одного из своих учителей, великого философа Шмуэля Хуго Бергмана.

Он почти не говорил о своей болезни, хотя она уже была в критической стадии.

Он сказал только: "Архитектор тела был гением, но подрядчик реально обманул со стройматериалами". Михаль и я засмеялись, но Амос, вероятно, увидев выражение моего лица, произнес: "Не жалею меня. У меня была очень хорошая жизнь. Гораздо лучше той, которую я мог себе представить, какую бы она могла быть. У меня есть любящие дети, есть Нили, любимая жена. Мои книги читают во всем мире. Я получил от жизни намного больше, чем можно попросить".

Амос, бесконечно дорогой, любимый - год без тебя...

Хозяева и гости на приеме

НАСЛЕДНИК АНТОКОЛЬСКОГО:

виражи судьбы скульптора Григория Златогорова

Алек Д. ЭПШТЕЙН

Поскольку этот текст - пятидесятая моя статья, публикуемая в "Еврейском камертоне", то, надеюсь, читатели уже знакомы с моим мировоззрением - и ни в какой тяге к оккультизму не заподозрят. Однако размышляя о герое этого очерка, исключительно талантливом российском еврейском скульпторе Григории Семеновиче Златогорова, я не могу не думать о том, что в него буквально "вселелась" душа его легендарного предшественника Марка Матвеевича Антокольского (1843-1902), чей творческий путь он как будто продолжает, пусть и совершенно невольно. В истории искусства остались имена важных восточноевропейских еврейских художников, занимавшихся в том числе и скульптурой: назову в этой связи имена Иссахара-Бера Рыбака, Мане-Каца, Танхума (Анатолія) Каплана, Золтана Перльмуттера... Все они создали ряд запоминающихся произведений, обессмертивших их имена, но мне кажется, что Златогоров стал первым, чье филигранное мастерство скульптора, исключительное чувство пропорций и форм, вместе с богатой художественной фантазией, глубоко укорененной в еврейском национальном наследии, позволят искусствоведам будущего поставить его вровень с Антокольским. Не повторяя тематику и творческие находки предшественника, Златогоров идет по той же дороге, не уступая ни в мастерстве, ни в утонченности и благородстве создаваемых им скульптурных образов.

Детство их, впрочем, было очень разным. Марк Антокольский родился в "черте оседлости" в Вильно в семье многодетного еврея-трактирщика; детские годы будущего выдающегося скульптора были настолько безрадостны, что, решив написать свою биографию в зрелом возрасте, Антокольский начал ее с момента поступления в Академию художеств, исключив ранние годы: "Детство мое слишком мрачно, да так мрачно, что я с содроганием вспоминаю, а писать мне о нем тяжело". Григорий Златогоров - единственный ребенок в интеллигентной семье. Его мать Лариса Златогорова (урожденная Гольдберг) работала фоторедактором, а отец Семен Сорин (1921-2000) - поэтом и переводчиком. Семен Григорьевич родился в городе Ржев Тверской губернии, прошел всю войну от Подмосковья до Нижней Силезии, встретив Победу в мае 1945 года в немецком городе Штеттине, после чего поступил в Литературный институт, по окончании которого стал профессиональным литератором, автором многих поэтических сборников и переводчиком поэзии с языков народов СССР. Знавший С.Г.Сорина Александр

Г.С.Златогоров в своей студии, 30 января 2020 г. Фото А.Д.Эпштейна

Зорин писал в статье о нем, опубликованной в московском журнале "Знамя", что "сына он обожал".

А вот путь к тому, чтобы стать скульптором, и у М.М.Антокольского, и у Г.С.Златогорова был весьма нелинейным. Отец Марка мечтал пристроить сына к какому-либо прибыльному делу, определив его в мастерскую позументщика, где тот должен был постигнуть науку изготовления золотой и серебряной тесьмы. Оттуда юный Антокольский вскоре сбежал и продолжил образование в мастерской резчика по дереву Тасселькраута, который и стал его первым серьезным наставником. Златогоров начал свой путь на бутафорском факультете Московского театрального художественно-технического училища; скульпторов это учебное заведение не готовило, да и Григорий об этой сфере искусства еще не задумывался.

Трудно не думать о мистических взаимосвязях, о которых понятия не имел юный Златогоров, но о которых знаем сегодня мы, историки. В одном из своих стихотворений Семен Сорин написал:

*Когда умру, окончу путь солдатский,
Сломаюсь, как клинок, не заржавею,
Хочу лежать в большой могиле братской
Однополчан, сражавшихся за Ржев.*

Именно там, подо Ржевом, летом 1942 года пропал без вести Яков Седов, в 1931 году ставший - и до 1938 года

оставшийся - первым директором той самой Школы театральных художественно-технических кадров, из которой выросло училище, выпускником которого и стал сын поэта. Яков Седов остался "в большой могиле братской однополчан, сражавшихся за Ржев", но в основанном им училище постигал основы ремесла сын чудом выжившего в той кровавой мясорубке будущего поэта...

После окончания училища Златогоров был призван в армию, откуда вернулся в 1987 году. Он хотел рисовать и видел свое будущее как художник книги, для чего пытался поступить в Полиграфический институт на факультет художественно-технического оформления печатной продукции, среди выпускников которого - Владимир Янкилевский, Борис Жутовский, Виктор Пивоваров и ряд других известных художников; в наши дни на базе именно этого факультета создан Институт графики и искусства книги имени В.А.Фаворского.

Насколько известно, довольно слабо умевший тогда рисовать Антокольский был зачислен в Академию художеств в качестве вольнослушателя в 1862 году по протекции супруги виленского генерал-губернатора, восхитившейся тем, как юноша вырезал в дереве картину Ван Дейка "Христос и Богородица". У молодого Златогорова столь влиятельных ценителей не было, его дважды "срезали" на экзаменах, но он целеустремленно шел намеченной

им дорогой и с третьей попытки был, наконец, принят. До поступления в институт в 1987-1990 годах он занимался в студии, руководимой выпускником этого вуза художником Андреем Бисти, отец которого известный график и гравер народный художник России Дмитрий Спиридонович Бисти (1925-1990) на художественном факультете Полиграфического института долгие годы преподавал. В середине 1990-х Златогоров начал свой путь художника-оформителя книг, с годами завоевав в этой сфере большой авторитет, получив известность как иллюстратор, умеющий с фантазией и тонкостью воплощать сказочные и поэтические образы. Именно с его иллюстрациями опубликованы и "Алиса в стране чудес" Льюиса Кэрролла в пересказе Владимира Набокова, и сказка Хаима-Нахмана Бялика "Царь Соломон и Асмодей" в переводе Зои Копельман, и другие произведения для детей, написанные по-настоящему большими писателями.

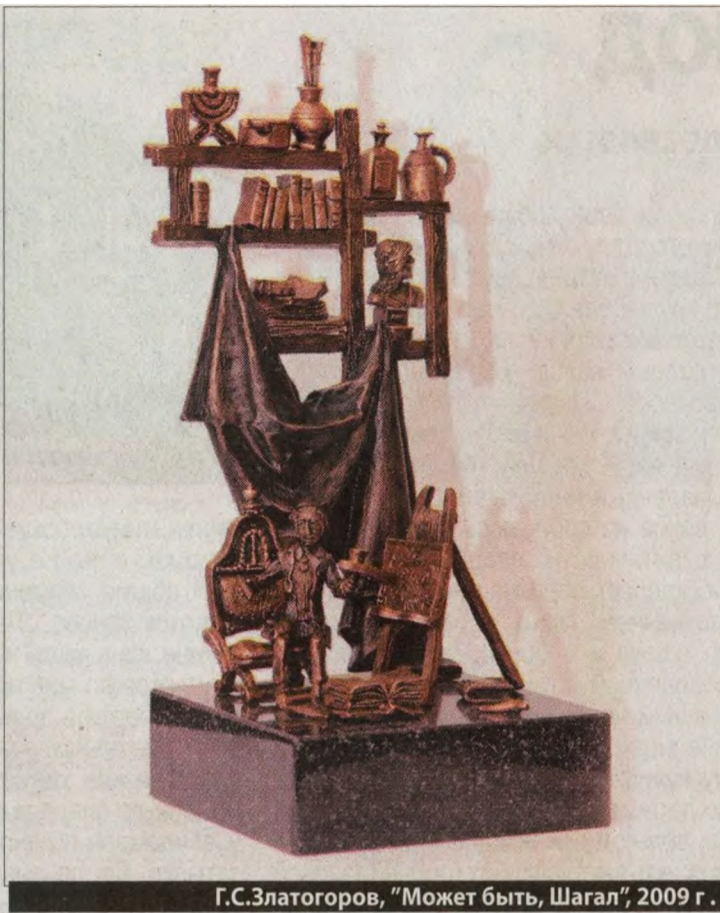
Свои первые скульптурные работы Марк Антокольский изваял, когда ему шел двадцать второй год; Григорий Златогоров создал свои первые скульптуры, когда он был ровно вдвое старше. Даже сам мастер не находит рационального объяснения тому, что произошло в 2008 году, после его возвращения из поездки в Венецию, когда его творческий путь сделал столь крутой вираж: книжный график, работавший в двух измерениях, на бумаге, и иногда делавший офорты и литографии, почувствовал непреодолимую потребность создавать трехмерные объемные произведения. За прошедшие с тех пор двенадцать лет Григорий Златогоров создал около пятидесяти скульптур, которые были представлены на многочисленных выставках. Персональная выставка его работ, которую организует руководимая почетным членом Российской Академии художеств Л.Л.Агафоновой московская галерея "Веллум", пройдет этой весной в Гостином дворе.

На своих первых работах - "Портной" (1864) и "Скупой" (1865) - Антокольский изобразил знакомые ему образы евреев; среди ранних скульптур Златогорова - "Переписчик Торы (Сойфер)" (2009), "Шейлок" (2011), "Антиквар" (2011) и "Еврейский книгоноша" (2013). Я совсем не уверен, что создавая в 2011 году скульптурную композицию "Отпусти народ мой" Златогоров вообще помнил об оконченном в 1869 году произведении Антокольского "Нападение испанской инквизиции на евреев", но историки искусства не могут не сравнивать и не сопоставлять между собой эти работы. Скульптор И.Я.Гинцбург писал о работе его учителя М.М.Антокольского: "Горельеф

М.М.Антокольский, "Еврей-портной", 1864 г.

Г.С.Златогоров, "Может быть, Шагал", 2009 г.

изображает подвал со старинными каменными сводами. Случилось что-то ужасное... Опрокинут стол, скатерть, тарелки, подсвечники - все на полу. В паническом страхе все бегут, прячутся в огромную печь, некоторые захватили с собой молитвенники. Тут толпятся и старики, и женщины с детьми, и молодые. Остались только двое... Один - убежденный и закаленный в вере старик; другой, помоложе, смотрит в испуге туда, откуда слышны шаги. По круглой каменной лестнице спускается жирный инквизитор; рядом с ним идет привратник, освещающий факелом ступеньки: дальше видны воины с алебардами и цепями". Г.С.Златогоров создал совершенно иное по духу произведение: хотя фараон Египта обладал влиянием никак не меньшим, чем католическая инквизиция в средние века, Моисей и Аарон стоят перед фараоном гордо и уверенно; Моисей обращается к властителю, не чувствуя себя ни униженным, ни бесправным.

М.М.Антокольский и Г.С.Златогоров ваяли свои произведения в разных городах, но обе работы созданы в столице России, которая в 1869 году находилась в Петербурге, а в 2011 году - в Москве. Антокольский родился и вырос в "черте оседлости"; создавая свой горельеф, он помнил об антиеврейских погромах в Одессе в 1821-м и 1859 годах, о преследованиях и унижениях. Обращенное в 1881 году письмо к И.С.Тургеневу по поводу погромов свидетельствовало о том, что горькая судьба соплеменников глубоко волновала скульптора. Сюжет о нападении на евреев отнюдь не нуждался в испанской инквизиции, которая была, скорее, фиговым листком, призванным защитить скульптора от претензий со стороны цензуры Российской империи. Г.С.Златогоров работает в другую эпоху, когда требование "Отпусти народ

мой!" выполнено: создано и успешно развивается независимое еврейское государство, с которым евреи, в какой бы стране они ни родились, могут в любое время связать свою судьбу, а глава кабинета министров и президент которого с уважением и почетом принимаются в том числе и правителями Российского государства в Кремле. Эта разница контекстов, мне кажется, более всего объясняет фундаментальные различия в национальном мироощущении двух скульпторов, наглядно проявляющиеся в их произведениях.

При этом оба они глубоко укоренены не только в еврейской, но и в русской культуре: известны созданные М.М.Антокольским портреты В.В.Стасова, С.П.Боткина, И.С.Тургенева и других, в том числе портрет С.И.Мамонтова, местонахождение которого неизвестно (не исключено, что эта созданная в 1878

году работа не сохранилась до настоящего времени). Г.С.Златогоров, в свою очередь, создал в 2012 году запоминающийся скульптурный портрет идеолога объединения "Мир искусства" художника, эссеиста и мемуариста А.Н.Бенуа. И для М.М.Антокольского, и для Г.С.Златогорова важны и значимы незаурядные люди, строившие - пусть и подвергаясь порой разнузданному поношению современниками - мосты между еврейской цивилизацией и духовным миром других народов, среди которых жили и живут евреи; поэтому в 1882 году появилась скульптура "Барух (Бенедикт) Спиноза", а в 2009 - "Может быть, Шагал?" Да и работу, посвященную пасхальному седеру, Г.С.Златогоров назвал "Не тайная вечеря", ведя тем самым диалог с христианской традицией. Помещая в верхней части скульптурной композиции пророка Элияху, Г.С.Златогоров

возвращает события в естественный для них иудейский контекст.

Искусствоведы справедливо отмечали, что бронзовые работы Г.С.Златогорова на библейские и исторические темы отличают особая пластическая выразительность, тончайшая проработка деталей и декоративная насыщенность. Среди созданных им циклов - серии бронзовых фигур "Двенадцать колен Израиля", "Еврейские праздники", "Клейзмеры", навеянные рассказами Шолом-Алейхема, графикой Марка Шагала, Танхума Каплана и других классиков еврейского искусства. Г.С.Златогоров как скульптор весьма многогранен: он создавал скульптуры и из бронзы, и из камня, и из дерева, причем с элементами патинирования и серебрения; в последние годы их отливают в Лаборатория вакуумного литья московского научно-исследовательского института НАМИ. Серьезные коллекционеры ждут его новых работ, Алексей Калач снял посвященный ему короткометражный документальный фильм "Скульптор" (продюсер - Владимир Темный), а сын Григория Семеновича Илья снял короткометражный фильм "Шесть дней", запечатлев процесс создания отцом скульптурной композиции "Рай". Очень хотелось бы, чтобы эти фильмы, а главное, созданные Г.С.Златогоровым скульптуры увидели и израильские зрители; убежден, они не оставят их равнодушными. Среди массы китча, призванного удовлетворить не очень взыскательных туристов, произведения этого мастера могут и должны стать тем маяком, который отчетливо демонстрирует возможность существования и в наши дни подлинно большого искусства, не отрекающегося ни от реалистических традиций в скульптуре, ни от еврейского национально-религиозного историко-философского наследия. Сохраняя связь с прошлым, можно быть современным, обогащая национальную и мировую культуру; творчество скульптора Григория Златогорова - очевидное тому доказательство.

Г.С.Златогоров, "Не тайная вечеря (Пасхальный седер)", 2012 г.

Г.С.Златогоров, "Отпусти народ мой", 2011 г.

ЭТЮД

Якову Бруку посвящаю

Мириам ГАМБУРД

*"Вся ты прекрасна, подруга моя,
И нет в тебе изъяна".
Песнь Песней*

Этюдом на отделении скульптуры в Штиглице* называлась не работа над пейзажем на пленэре - на этюды мы не ходили и этюдов не писали, мы их лепили. Многочасовая лепка обнаженной модели в натуральную величину или в полнатуры - это и был этюд.

Модель устанавливалась в классической позе с упором на одну ногу на проворачивающемся вокруг своей оси подиуме так, что количество точек обзора оказывалось максимальным. Большим оно могло бы быть, если подвесить модель, но и конструктивной поликлетовской позы достаточно - все недочеты студенческих этюдов прекрасно видны. Нет никаких мягких сидений, срезающих половину бедра, драпировок, скрывающих узловые моменты коленей или плечевого пояса, лежанок, расплющивающих полных натурщиц и проглатывающих тощих. Поликлетовский хиазм выстраивается переносом центра тяжести стоящей на двух ногах фигуры на одну, опорную. Таз будто подчиняется армейскому окрику "вольно" и ломает секунду назад в струнку вытянувшиеся смирно стоящие оси движения. Сейчас они - колчан переломанных стрел. Грудная клетка и плечевой пояс под одним углом, таз - под другим. Этот разнотаз и есть основа нового порядка. Хаос? - ничуть не бывало, напротив, математически выверенная гармония. Веревоочный отвес прочертит перпендикулярную плоскости станка линию от яремной ямки - мы называли ее "душка" - к лодыжке опорной ноги, иначе скульптура завалится и стоять не будет. Классический канон точен и взыскателен. Не натура обнажена, ты сам наг, ничего не скрывать. Что умеешь - имеешь, то и видно.

На старших курсах меня преследовала навязчивая фантазия: я сама из глины стою на подиуме с упором, разумеется, на одну ногу. Галатея и Пигмалион в одном лице. Несколько точных прикосновений к влажному податливому материалу - и я исправляю все недостатки своей фигуры. Первым делом убираю лишнее с полных щиколоток и делаю их стройнее. Теперь четко просматривается внутренняя косточка лодыжки. Затем утончаю талию. Торс моей Галатеи вполне соответствует канону античной красоты: плавный переход от бедер к грудной клетке, талия не акцентирована. Передо мной девичье тело почти мальчишеских пропорций. Это впечатление создают широковатые, но легкие плечи и маленькие далеко стоящие одна от другой грудки. "Стан твой пальме финиковой подобен,

а груди твои гроздьям". Половинкам дикого апельсина подобны груди твои. Сбоку же картина другая - плечевой пояс хрупок без худобы и лишен объема, будто вырезан из листа картона. Плечи отведены назад, ключицы энергично прочерчены, лопатки утопают в плоскости спины. Узкая талия, широкие бедра - это иной тип женской красоты, прославленный индийской скульптурой, и я вовсе не собираюсь ему следовать, но античности надобно поубавить. Соскребаю обеими руками круговым движением глину в области талии со спины и с боков, потом большой деревянной стекой уточняю форму. Лишний материал сминая в комок, он мне еще пригодится. Живот плоский и мускулистый очень хорош и превосходно держит всю фигуру. Его не трогать! Он вольготно и изящно расположился меж чуть выступающих гребней тазовой кости внизу и аркой грудной клетки наверху. "Пупок твой - круглая чаша, в которой не иссякает ароматное вино..." Нет, не годится. Какая там чаша? Ни капли вина такой пупок не вместит, она скатится к аккуратному чуть выступающему лобку. Тогда может быть "живот твой - ворох пшеницы, окаймленный лилиями" или "живот - полированная слоновая кость"? Шикарно! Жаль только, что это относится к мужскому животу. Но не время любоваться и жонглировать цитатами, торопись же! Белая ночь вот-вот пойдет на убыль. С перекрестка Литейного и Пестеля уже доносится дребезжание трамвая. В мастерской полумрак, вокруг на станках стоят спеленатые во влажные тряпки и клеенки учебные работы моих однокурсников. Из ящика с глиной тянет болотной гнильцой.

Разворачиваю фигуру на подиуме спиной. Выпуклые ягодицы, казавшиеся раньше вполне соразмерными, сейчас выглядят крупными. Да, конечно, иначе и быть не может, ведь я сузила талию. Не стану их трогать. Позвоночный столб - да какой же он столб, куда больше похож на змею - в моем случае в районе спины оправдывает свое название, но на подходах к затылку в нем просыпается змея. Она выносит глиняную голову фигуры вперед под углом, который надо немного успокоить. Это не простая задача - придется гнуть и выпрямлять металлический каркас, опутанный проволокой, держащий фигуру, и я откладываюсь от затеи. Попробую решить задачу не так радикально и агрессивно, но мирным способом. Просто подниму немного затылок, уплотню шею в основании черепа, уберу лишний материал спереди... Не годится. Подбородок и плоскость лица по-прежнему вынесены вперед так, что если воспользоваться веревочным отвесом, перпендикулярная линия прочертит- соединит (взгляд сбоку) кончик подбородка с серединой

Санкт-Петербургская
художественно-промышленная
академия им. А.Л.Штиглица

стопы, минуя соски. Оставляю плоскость лица как есть. Не увлекайся! не нарушай общую гармонию! Поди выстрой ее потом заново... Плоскость лица - или точнее, клин лица - чуть завалена назад. Скульптор во мне не позволяет исправить/испортить орлиный нос и придать ему банальную форму. Состояния пластические хирурги сколачивают на подобных операциях. Нос зрительно уравновешен пышной копной волос на затылке. Да, да, знаю, все это остро и выразительно, но так хочется хоть немного успокоить эту дерзкую горбинку! Из-за нее меня считают за-нос-чивой, и, вообще, нос цепляется за все углы. Еще бы не цепляться, когда он "похож на башню Ливана, обращенной к Дамаску". Не трогай имперский ахматовский нос! Неси по жизни свой нос-ношу - и будешь ты царицей, Мира. Выпуклые глазные яблоки посажены в просторные глазницы и брови прочерчены высоко над ними, разрез глаз продолговатый. И если по примеру древних раскрасить статую, то глаза так и останутся цвета маслянистой пулковской глины, из которой сработан этюд. Нижняя часть лица овальная и чуть тяжеловата. Ее можно облегчить, соскоблив немного глины с нижней челюсти и подбородка. Угол шеи этим не уменьшить, но она станет длиннее. Небольшой рот тонкой лепки красив. Нижняя часть лица, как у японок на гравюрах. Японцы видят себя совсем не так, как мы их видим: никаких широких выпирающих скул, лица вытянутые, продолговатые и чуть тяжеловатые в нижней овальной части. Уши Галатеи посажены вполне удачно, немного смещены к затылку и открывают боковые плоскости лица, но крупноваты. Их надо бы чуть уменьшить, чтобы не торчали, как у породистого щенка.

Теперь отойди на несколько шагов назад, резко развернись и глянь на исправленную скульптуру. Надо же, ведь я не укорачивала ноги... Но ты удлинена шею. Фигура помещена на глиняном пьедестале высотой в несколько сантиметров. Обрезаю его вокруг левой, затем вокруг правой стопы. Сейчас глиняная Я стоит как бы на котурнах. Срезаю котурны, тяну вниз стопы, опускаю их на деревянную плоскость станка и освежаю лепку. Форма стоп и пальцев ног немного смялась в процессе исправлений и на обеих голених образовались широкие трещины, открывающие каркас.

Задельваю их глиной. Н-да... Вроде бы не собиралась увеличивать рост, ведь я и так выше и крупнее большинства окружающих меня мужчин. Я родилась через два года после окончания войны, а тем немногочисленным мальчикам, которые старше меня, выпало голодное детство, да и матери вынашивали их на скудном тыловом рационе.

Ноги получились слишком длинными и плотными, и теперь верхняя часть фигуры смотрится совсем легкой и как бы вознесенной на тяжеловатом для нее пьедестале. Вот ведь нарушишь гармонию и сотворишь прекрасного монстра. "Голени его/ее - столбы мраморные, поставленные на золотые подножия". Проверь, не выглядят ли при этих столбах руки короткими? Нет, нисколько. Ведь не кажутся короткорукими женщины на высоких каблуках. Кисти рук... не пристало скульптору иметь такие холеные кисти с удлиненными пухлыми пальцами, как на придворных портретах.

Все отчетливее слышно, как уборщицы сердито переговариваются, орудуя швабрами. Приоткрываю высокую дверь, успев на ходу нагнуться и оттяпать по половине фаланги на больших пальцах ног моей Галатеи - ее удлиненные стопы красивы, но великоваты. "Как прекрасны в сандалиях (на размер меньше) ноги твои, дева благородная". Вискальзываю в полнящийся светом коридор, но возвращаюсь, чтобы еще раз оглядеть свое творение. Здорово! Bravo! Справилась.

Пол меняй!!! Хватит канючить, мол, осознание себя девочкой - твое первое в жизни тяжелое знание. И перестань ссылаться на Фрейда, да, верно, это он сказал, что девочки прекрасно понимают, что пениса у них нет и не предвидится, и это их очень огорчает.

Комка глины, который ты мнешь в руке - ладонь горячая от волнения и глина начинает подсыхать - вполне достаточно, чтобы это изменить. Ну же, лепи пенис и яички и приделай их к своему изящному лобку, заверши им превосходной лепки плоский мускулистый мальчишеский живот.

Меняй пол! Вот-вот прокричит петух, торопись!

Да откуда взяться петуху в центре Ленинграда?!

Меняй, говорят тебе!

Но почему сейчас?! Когда мое глиняное тело - само совершенство.

Не медли, черт побери!

Только не сейчас!

Случай не повторится! Меняй пол!

Но я всего лишь раз надела новое французское платье!

Вискакиваю из скульптурки, несусь к входной двери - заперта. Взлетаю по сильно стертым ступеням мраморной лестницы и утыкаюсь в стоящую по центру гипсовую тонированную под светлую бронзу фигуру Ленина работы одного из моих педагогов. Сворачиваю направо и крадусь по анфиладе, кажется, она называется Папской, но никто этим именем не пользуется. Высокая

резная дверь в мой любимый Актный зал приоткрыта: стены забраны резными панелями, над ними - два старинных французских гобелена со сценами охоты. Останавливаюсь, залюбовавшись, но спохватываюсь. Молодежный зал под огромным и прекрасным стеклянным куполом. По привычке скольжу взглядом по заново отреставрированному, рухнувшему во время блокадной бомбежки сегменту купола. Только на одной его ленте сохранился витражный орнамент. Значит ли это, что оригинальный купол был орнаментирован весь и его не удалось восстановить в первоначальном виде? Уже день, но в нишах нижней галереи еще длится белая ночь. Нет превосходно размещившегося по периметру верхнего яруса много лет спустя фриза Пергамского алтаря и мраморного барона Штиглица, отца-основателя, тоже нет, но здесь витает дух Веры Игнатьевны Мухиной. Несколько студентов с планшетами спускаются по Итальянской лестнице в котловину зала - значит, входная дверь уже открыта. Размеренным шагом возвращаюсь через знакомую анфиладу и, оказавшись в Соляном переулке, спохватываюсь, вот ведь досада, уши забыла исправить!

Мое новое тело досталось не мне, но дочери Юдит, родившейся десять лет спустя под другим небом. Юной девушкой она объездила полмира как топ-модель. У нее царственная осанка при длинных ногах и полное равнодушие к собственной красоте. Волосы азиатской густоты не расчешешь, а горб на носу подевался куда-то в процессе переплощений. Не замечала, чтобы дочь кручинилась по поводу того, что ей выпал не тот пол. Как-то в детстве, глянув в старое с пятнами стертой амальгамы зеркало, которое я приволокла со свалки в свою мастерскую в Яффо, она бросила: "Надо же, Бог совсем неплохо меня вылепил!" Бог, согласно учению иудаизма, создает душу и она принадлежит Ему до последнего вздоха. Над телом приходится покорпеть родителям.

* Штиглиц Александр Людвигович (1814-1884) - крупнейший российский финансист, банкир и промышленник, управляющий Государственным банком России (1860-1866), меценат, благотворитель. Самым важным пожертвованием Штиглица, самым ценным для России, которое одно способно было бы обессмертить его имя, - было учреждение на его средства в Петербурге Центрального училища технического рисования для лиц обоего пола (сейчас - Санкт-Петербургская художественно-промышленная академия имени А.Л.Штиглица), вместе с богатым художественно-промышленным музеем и отлично оборудованной библиотекой. До последнего дня своей жизни был его почетным попечителем и после смерти завещал ему очень большую сумму, благодаря чему училище могло получить самое широкое и благотворное развитие.

О ХОЛОДЕ

Александр ИЛИЧЕВСКИЙ

Амундсен стал тем, кто он есть, благодаря новшеству в технологии достижения полюса: он рассчитал, что необходимый для броска и возвращения груз лучше всего сделать самоходным - в конце пути он скармливал по одной собаке другим собакам, что придавало экспедиции импульс: подобно тому, как ракета набирает скорость за счет отделения отработанных ступеней.

Бегство из мест заключения с "живыми консервами" - ничего не подозревающими фраерами, - обычное для российских уголовников дело: иначе ни тайгу, ни тундру ослабший организм преодолеть не в состоянии. В России всегда ссылали туда, откуда бежать некуда.

Это лишь малая, но выхватывающая важную часть жизни, точней смерти, в северных областях. Увы, я другого Севера не знаю, но подозреваю, что он может быть милостив - хотя и за счет усилий человека.

Вот еще приключение: экспедиция Папанина на двух самолетах вылетела к Северному полюсу - для того чтобы высадиться на ледовое поле. Как вдруг в одном из двигателей случился пробой "рубашки" и стал вытекать антифриз. На протяжении всего полета инженер-механик, отвечавший за техническую исправность самолета, проползал внутри крыла к двигателю (доступ был), собирал пролитый антифриз тряпкой, отжимал ее в миску, снова заливал в мотор и полз обратно отогревать руки.

И последняя иллюстрация. Несколько лет назад я услышал историю про человека, который случайно выпал из тамбура поезда Москва-Нерюнгри. В сорокапятиградусный мороз он бежал семь километров по путям до ближайшей станции. Водитель-дальнобойщик, бедолага рассказал вот что: "Я не герой. У нас в Сибири такое не редкость. Странно только, что я был трезвым. Я ехал из Братска в Алдан уже вторые сутки в последнем вагоне поезда. Часов в десять вечера я вышел в тамбур покурить, собрался вернуться, но открыл не ту дверь и выпал на пути. Первая мысль была: встать и бежать. Я не сильно ушибся, размялся и побежал за поездом. Я бежал и видел, что семафоры встречаются все чаще, и понимал - станция должна быть рядом. Одет я был в джинсы, футболку и резиновые тапочки. Мне вообще страшно не было. Я не думал о смерти, не думал о холоде. В голове была только одна мысль: добежать, добежать, добежать. Когда я через полчаса вломился к дежурному на станции Рихарда Зорге, тот обалдел, налил мне чаю и позвонил в полицию. Поезд свой я догнал в ту же ночь на машине в Нерюнгри. Я залез на свою полку и заснул. На следующий день переосмыслил жизнь. Но это уже личное".

Грета Гарбо - любимая актриса

моей мамы. Она почему-то любила вспоминать, что у Гарбо нога сорокового размера. А Бродский говорил: "Венеция - это Грета Гарбо в ванной". А еще Гарбо в фильме Ninotchka, где она играет советского дипломатического работника - строгую Нину Якушеву, которая влюбляется в Париже в графа, - говорит мечтательно, глядя в распахнутое в весну окно: "We have ideal, but they have a climate". Что по сути есть парафраз из Чехова: "Нам ваша философия не подходит. У нас климат суровый".

Холод чаще становится причиной смерти, чем жара. Хотя бы поэтому он ближе ко злу, к адскому Коциту. Проницательный Данте, тогдашняя мировая культура вообще - еще пребывала в неведении о возможности жизни в областях, где борьба с морозом отнимает большую часть суток. Смысл рождается только за счет избытка свободного времени. В холодных же областях, поработавшись борьбой за выживание, рождается не смысл, а власть - насилие, благодаря которому можно переложить заботу о тепле для себя на других. Смысл, цивилизация вообще - продукт милостивого климата и тепла. И, кажется, ад для Данте имел все-таки отчетливую географическую привязку - к области неведения, к неизвестному благодаря своей бессмысленности Северу.

Когда я приехал шестнадцати лет отроду в Долгопрудный поступать в МФТИ, то перво-наперво был отправлен в административный корпус - сдавать аттестат и писать заявление о приеме. Это сейчас в Долгопрудном асфальт, а раньше, когда физтех еще только был организован, никакого асфальта не было и со станции профессора и студенты добирались по колесу в грязи. А перед входом в аудиторию стаскивали в рядок калоши. Ландау очень расстраивался, когда у него тибрили калоши, ибо никак не мог после лекции выйти из аудитории первым - его всегда задерживали вопросами, а нелюбознательные студенты тем временем разбирали гору калош - кому что достанется. И вот в конце одной из лекций Ландау за три минуты до звонка скомкал тему и громко объявил: "А теперь внимание. Все сидят на месте еще две минуты. И попробуйте только пошевелиться!" После чего вышел, выбрал пару самых лучших калош, и был таков.

А еще раньше, до войны, в угловом доме того же Институтского переулка жили работники и пилоты знаменитого "Дирижабльстрога", начавшего работу в Долгопрудном в 1931 году. Пять лет "Дирижабльстрогом" руководил капитан знаменитой "Италии" - Умберто Нобиле, экспедицию которого, потерпевшую крушение, в 1928 году отправился искать Амундсен, его компаньон и соперник, погибший в этой спасательной операции. О работниках "Дирижабльстрога" писал Бабель - в сценарии, по которому так и не был снят фильм; у Бабеля вообще с кино не складывалось, пытался он работать и с Эйзенштейном, но это, как коса об камень. Из сценария Бабеля известно, что готовые дирижабли в Долгопрудном швартовали к ветвям деревьев. Представляете город, усаженный деревьями с дирижаблями, привязанными к верхушкам?

Всего этого я пока не знал, подходу к административному корпусу, как раз утопавшему в густых кронах высоченных тополей. У крыльца его я впервые в жизни встретил надпись на асфальте. Сейчас модно писать что-нибудь на асфальте, а тогда это было из ряда вон выходящее зрелище. И мне приятно сознавать, что именно на асфальте, именно в Долгопрудном я прочел впервые строчку из Данте: "Оставь надежду всяк сюда входящий". Надпись эта из года в год потом обновлялась, и, кажется, существует и до сих пор. А если нет, то я бы ее восстановил. Ибо более полезного наидания для юности я еще не встречал.

Вот почему я считаю, что я вырос на Севере. И всю жизнь бежал от него - на Юг, в широты моего рождения: я родился и прожил первые пять лет на Апшеронском полуострове Каспийского моря. Вот почему мне особенно понятно, отчего "Ад" Данте интересней всего остального в "Божественной комедии". А "Эклога IV, зимняя" Иосифа Бродского лучше его же "Эклоги V, летней".

Так почему же счастливый исход менее способен частью культурной памяти?

NB: все значительные русские писатели, рожденные вместе с XX веком - Бабель, Платонов, Булгаков, Олеша, Набоков - писали только об одном, в сущности: о всестороннем абсолютном провале эпохи. Остальное относится к воспеванию пустоты, тут трудно преуспеть. Отрицательный опыт ценен именно потому, что дает смысл выжить. Не столько способ, хотя и он тоже, сколько смысл. Это на руку естественному отбору, который как раз и канонизирует трагедию - при снисходительном отношении к другим жанрам.

"Все собаки съедены. В дневнике не осталось ни одной пустой страницы. Полярник пишет на фотографии жены. Переходит к портрету сестры. Гангрена взбирается по его бедру, как чулок девицы из варьете".

МОСКВА ЦЕНТРАЛЬНАЯ

Шула ПРИМАК

Горек, горек удел живущего в разлуке с Москвой. Тяжело и муторно привыкать к тихой провинциальной жизни уездного города А. Нет в нем разудалой московской гульбы и движухи. Тихо и покойно проходят вечера. Не томимся мы в пробках по дороге в закрытые клубы и эксклюзивные тусовки. Некуда, совсем некуда выгулять за пределами Садового новую шубу или дизайнерскую сумочку, или удачно обновленные губы.

Это сиськи новые можно носить куда угодно. Новые сиськи хоть на тель-авивский рынок, хоть на мюнхенский Октоберфест - везде они к месту и народ им рад. Вот правильно сделанные губы за МКАД оценить некому. Этот вид тюнинга годен только в пределах Москвы Центральной.

Так же прискорбно обстоит дело и с культурным контентом. Алкающие искусства и богатого духовного мира лишены вне Москвы всего того бесконечного и неисчерпаемого выбора, который может предложить столица. Не блещут огнями многочисленные театры. Не рябит в глазах от афиш. Не везут усталые курьеры цветные конверты с пригласительными на премьеры и бенефисы. Пылаются в коробках лабутены. Задвинуты в угол гардероба лакированные сумочки. Сиротливо висит на гвоздике перламутровый бинокль. Некуда идти.

Ну, то есть, и в наших палестинах тоже имеют место премьеры и бенефисы. Правда, крайне редко. И народ на них ходит в строгом кежуале. Среди кавалеров приняты джинсы с футболкой или рубашкой. Дамы предпочитают скромные платьишки в цветочек или радикально черные одежды. Мелькнет порой в толпе веселых аборигенов пожилая леди в бежевых кружевах и с ниткой жемчуга в стиле миссис Марпл. Но статистики такие леди не делают, будучи осколками прежней, нездешней жизни. У нас же здесь - все по-простому. Народно.

В ресторанном бизнесе вне Садового кольца тоже не все как хотелось бы. Ну то есть да, порции у нас большие, еда вкусная, а официанты заботливы. Да, конечно. С другой стороны, заботливые официанты у нас фамильярны и грубоваты, в отличие от своих московских собратьев. На Москве халдей хамоват и заискивающ одновременно. И еда в Москве либо полное беспросветное фу, биологический мусор. Либо произведение искусства, ум отъешь. И конечно, московские ресторанные интерьеры! Ах! Шарман!

Наши-то, наши, совсем без фантазии живут. Развешат по стенам фото владельца заведения в обнимку со всякими локальными знаменитостями - и вся недолга. Ну, иногда, если кто с претензией на ретро или просто после развода вещи приткнуть некуда, тогда ресторан декорируется портретами покойных предков, ковром и самоваром

- бабушкиным приданым или вывесками с названиями улиц, где жил владелец в годы буйной юности. Никаких вам расписных потолков, зимних садов и антикварных комодов. Потому что пришел поесть - ешь и иди. А на девушку свою впечатление производи в койке, а не дизайном выбранного ресторана. Как-то так. Не концептуально, в общем.

Так что черствую сиротскую горбушку разлуки с Москвой приходится запивать односолодовым виски в кругу друзей, обсуждая вещи по московским меркам неприличные. У нас говорят о работе, о детях и о местной политике. И еще об иудаизме. Даже если все участники диалога не слишком религиозны. В особенности если не религиозны. Ну, понемногу и вскользь можно и о культуре. Все информативненько - где идет, понравилось или нет, есть ли стоянка. Но без этих вот глубокомысленных московских шуточек вроде режиссерского замысла или гениальной игры актера Т, недавно ушедшего от лифтерши к пловчихе. Никаких соплей, короче.

Скучно живем. Сытно. Но скучно.

Сижу в солнечный полдень. Страдаю, обливаясь слезами разлуки по лучшему городу на земле. Жалуюсь на жизнь другу. А он мне и говорит:

- Давай-ка я тебе, мать, историю из детства расскажу.

Как известно, я чужие истории очень люблю, особенно если из детства. Истории из взрослой жизни я давно уже разлюбила. В историях из взрослой жизни у всех героев внезапно нет денег или они спят не с теми или не там. А про детство отчего ж не послушать. Дети - цветы жизни, как говорили классики.

- Давай, - говорю, - историю из детства. Тем более мы земляки, росли буквально через улицу. С разницей в чуть ли не с десяток лет росли, но вдруг отзовется в сердце ностальгия по родному городу.

***

У рано овдовевшей Циля Марковны был единственный сын Семочка. Семочка был чудным ребенком. Хорошеньким, послушным и воспитанным мальчиком. До второго класса начальной школы Семочка радовал маму, бабушку и учителей. Не шалил, не грубил, ходил со скрипочкой в музыкальную школу и обращался на "вы" ко всем незнакомым людям. Циля Марковна с

умилением смотрела на круглые щечки и пушистые ресницы своего отпрыска. Как и всякая еврейская мать, она предрекала любимому сыночку музыкальную карьеру и мысленно видела Семочку раскланивающимся перед рукоплещущим залом областной филармонии. Дальше областной филармонии ее мечты не простирались. Ни в Москве, ни в Ленинграде, ни тем более за границей Циля Марковна не бывала и потому успех и славу сыну пророчила в известных ей единицах измерения. А еще она готовила сыночку бульон из курочки, пекла коржики и на все праздники заносила бутылку дефицитного коньяка Семочкиному преподавателю скрипки. Ей казалось, что она делает все как нужно, чтобы вырастить нового Ойстраха.

Дома еврейского квартала в нашем городе после войны были в основном одноэтажным частным сектором. Вернувшись из эвакуации, люди отстраивали на месте разрушенных немцами родовых гнезд небольшие домишки на берегу Буга, разбивали вокруг сады и огороды - так и жили. Не богато, тесно, но среди своих.

К середине шестидесятых сады и огороды у населения отняли. Вырубили вишневые и яблоневые деревья, уничтожили малинники и заросли крыжовника, снесли сарайчики и хлипкие дощатые курятники. Вокруг квартала рядами, как заградотряд, встали пятиэтажки. Заселили новостройки в основном пролетарии, бывшие жители бараков и коммуналки. Во дворах стали собираться алкаши и гопота. Агрессивные подростки из неблагополучных семей, отсидевшие за хулиганство и кражи молодые люди наводнили тихий район.

Мальчику со скрипочкой стало очень неуютно возвращаться по вечерам домой. Сначала Семочка пытался неслышной мышкой прошмыгнуть через дворы. Но его дразнили и обзывали. Пару раз даже били. Мама горько плакала, промывая сыну ссадины и латая дранную куртку. Потом он некоторое время дрался в одиночку, всякий раз, когда ему вслед кричали - жиденки.

А потом тихий воспитанный еврейский мальчик принял правила игры и сколотил что-то вроде бригады сопротивления. Впятером или вшестером было проще и результативнее драться. За год маменькины сынки из крошечных домишек у реки отрастили мышцы, зубы и отвагу. Теперь их даже побаивались. Скрипка была заброшена, Циля Марковна плакала от разочарования и тревоги. Ее нежный птенчик вырос босотой - поделаться с этим было нечего.

На весь квартал был единственный участковый - дядя Мыкола. Выглядел участковый устрашающе. Громадный, усатый, со здоровенными кулачищами. В подростковые свары и разборки дядя Мыкола не лез, еврейско-украинским конфликтом не заморачивался. В его компетенцию входила профилактика серьезных правонарушений типа грабежа, краж и попыток убийства. Пьяных мужей, гонявших своих благоверных

по двору ремнем, участковый поучал зуботычиной и добрым смачным матом. А вот застигнутому за попыткой зарубить соседа топором слесарю из жилконторы дядя Мыкола так наваял, что тот провалялся с сотрясением и переломами больше месяца в больнице. Та же участь постигла и одного свежесвободившегося уголовника, пытавшегося в темноте хватать местных школьников. Участкового уважали, понимая, что бьет он за дело и пусть строг, но справедлив.

Поэтому, когда однажды субботним утром дядя Мыкола образовался на крыльце Циля Марковны, она ужаснулась. Сема, мирно пивший чай с маковым пирогом на кухне, побледнел, оставил кружку и попытался проскользнуть мимо дяди Мыколы во двор, но был пойман за шиворот и водворен обратно железной рукой участкового

- Доброе утречко, Циля Марковна, - прогудел Мыкола, нависая над хрупкой женщиной, как статуя Командора. - Как дела у вас? Как Семен учится?

- Да все слава Богу, Николай Тарасович, - пролепетала перепуганная мать, поглядывая на бледного Семочку, уныло сидевшего у стола. - Вы чаю, может, с нами выпьете?

- Выпью, - отозвался участковый, усаживаясь напротив Семена и буравя его тяжелым взглядом.

У Семочки сердце нырнуло в низ живота и затрепетало там, как рыбка, выброшенная на берег. Сердцу юного борца за сионизм и еврейское влияние в квартале было от чего затрепетать. Вчера вечером бригада Семена, а точнее Семочка с Йосиком, сыном директора продмага, совершили очередную акцию возмездия. Друзья сперли новый дорогой велосипед у заядлого антисемита и хулигана Гришки-Ножа. Гришка давно нарывался на справедливую кару за свои гадкие высказывания. А вчера днем мальчики видели, как Гришка выбил из рук подслеповатой старухи Рабинович кошелек с покупками и со смехом смотрел, как пожилая женщина собирает раскатившиеся по двору картофелины. Этим поступком Гришка-Нож переполнил чашу народного еврейского гнева, и его было решено наказать.

Решили спереть велосипед. Тем более что новый велосипед был куплен неизвестно с каких доходов вечно пьяной Гришкиной матерью Тамарой, и потерю единственного ценного предмета в семье она бы своему уроду-сыночку точно бы не спустила. Так что борцы за справедливость по-тихому умыкнули велик, спрятали его на свалке за гаражами и весь вечер наслаждались проклятиями и матом, которыми поливала Гришу его фурия мамаша. Предприимчивый Йосик предложил выждать недельку, а потом продать добычу на запчасти одному барыге с колхозного рынка. То, что Гришкина мать побежала в милицию, для Семочки стало неприятным сюрпризом.

- Слышал я, - начал дядя Мыкола, отставив пустую чашку и отряхнув

крошки пирога с кителя, - что вы с Гришей Томкиным все время собачитесь. А, Семен?

Семочка помотал головой в том смысле, что нет, не о чем ему, сыну Циля Марковны, говорить с этим Гришей.

- А еще я слышал, - продолжил участковый, не впечатленный этой пантомимой, - что вы у Гриши лисапед украли. А это подпадает под 144-ю статью УК, до трех лет лишения свободы. Шо ты мне про это можешь сказать?

Не сводя глаз с белого как мел лица матери, Семочка встал перед участковым и принялся врать. Врал Семочка вдохновенно и виртуозно, речь его, складная и яркая, лилась как песня. Из его рассказа выходило, что, несмотря на ужасный Гришкин характер и вопиющее поведение, Семен всегда старался уладить конфликты мирно. Что даже представить себе ситуацию, на которую намекает участковый, совершенно невозможно. Что ни о каком велике Сема слыхом не слыхивал, видом не видывал. Что Гришка, небось, сам велик продал да пропилил, а теперь валит все на невинного мальчика, вдовьего сына, примерного ученика и пионера. Что вчера весь вечер он, Семочка, делал уроки в красном уголке библиотеки, и там его видела куча народу. И вообще, как теперь ему жить после этих позорных обвинений, как смотреть в глаза матери, которая одна тянет семью?

Лицо матери постепенно приняло живой цвет. Дядя Мыкола подпер красную небритую щеку кулаком и слушал Семочку так, как слушал бы знаток музыки пластинку Ойстраха. Усы участкового обвисли, взгляд слегка затуманился. По окончании пламенного спича дядя Мыкола встал, расправил китель и сказал, глядя влажными от умиления глазами на Семочку и его маму:

- Вы звяняйте, Циля Марковна, если шо. Сердцем, сердцем я послушал вашего сына. И от усего сердца мне ясно, шо пришел я не по адресу. Я таки ему верю.

Семочка выдохнул и приободрился. Дядя Мыкола сгреб парнишку в объятья, похлопал по спине и еще раз громко сказал:

- Сердцем тебе верю, Семен, сердцем!

А потом низко наклонился, прижал Семеново ухо к пахнущим махоркой усам и прошептал:

- Шоб утром завтра лисапед был у Тamarки! Шоб без дураков, слышишь, - и снова громко, уже выходя в двери: - Сердцем тебя услышал, самым сердцем.

***

Друг мой улыбнулся и отпил шикар-ного израильского мерло из одноразового стаканчика.

"Босота и есть, - подумала я, - такое вино да из пластика, господи!"

- Сердцем, сердцем тебе верю, что скучаешь по Москве, - сказал он и протянул стаканчик мне, - бокалов нет, не кривись. Тебе понты или выпить?

КАК Я СТАЛА ИЗРАИЛЬТЯНКОЙ...

Анна ФУКСОН

В прямом смысле слова израиль-тянкой я стала в тот момент, когда в аэропорту Бен-Гурион заспанная русскоязычная девушка выдала мне удостоверение нового репатрианта. В этом удостоверении наша с мужем фамилия слету была записана в виде распространенного английского ругательства - "факсон". На иврите она звучала несколько приличнее - "пуксон", зато бывшие соотечественники открыто похихатывали. Но мы узнали об это значительно позже. Тогда мы катили свои тележки и пугливо огляды-вались по сторонам - в таком огромном аэропорту мы еще не бывали. Новая/древняя родина представала перед нами своими загадками. И разгадать их нам предстояло.

Пропущу первые годы. Опишу их при случае. Почти сразу я пошла на преподавательскую работу в университете и колледже. Не подумайте, что я сразу начала загребать шекели лопатами - чтобы проверить меня на качество, мне давали по одной группе в семестр, ведь я была новой иммигранткой. Работа была "уважаемой", я не мела дворы и не мыла квартиры, как это делали многие наши соотечественники в первое время. Но зарплата моя была маленькой. У мужа тоже не сразу ладилось с работой, ему пришлось пройти несколько тяжелых операций. Поэтому нам остро нужны были деньги. Квартира, машканта требовали огромных денежных вливаний. И я решила, что получение разрешения на преподавание в Израиле (учительской лицензии) поможет мне расширить размер ставки. Возможно, получу хотя бы половину ставки в одном из мест работы. И это при том, что у меня была подтвержденная в Израиле третья степень. А неподтвержденная, еще одна, лежала в "ящике". В "ящике" у меня всегда что-нибудь да лежало. Но речь не об этом.

Итак, я прошла израильский экзамен по английскому языку для учителей - новых иммигрантов и была зачислена в группу в колледже Бейт-Берл. Нам предстоял девятимесячный курс по изучению разных аспектов английского языка, иврита, иудаизма, истории государства Израиль и так далее. Занятия велись с восьми часов утра до шести вечера, но мы отказались от перерыва на обед и освобождались к пяти часам. А после учебы все ехали на свои работы и домой.

Группа была весьма многоликой - в ней собрались бывшие российские учителя английского языка со всех концов "страны великой". Старшей было 50 лет, младшей - около 25. Милые, интеллигентные, запуганные, со слабым ивритом. Из всех своих новых соучениц только я уже работала по специальности, на двух работах, да еще и была со степенью и владела ивритом. "Зачем тебе это нужно?" - спрашивали

меня. Я знала, зачем мне это нужно. Мой российский опыт научил меня, что я должна быть "вооружена" до зубов всеми возможными степенями, и все-таки, на какой-нибудь стадии, от меня попытаются избавиться.

Мой страх не был случайным. Года два спустя после окончания курса, всех преподавателей университета проверяли на наличие степеней. Конечно, все мои степени, полученные в "той стране", выглядели убедительно, но все перевесила "теудат хораа" - лицензия на право преподавания в Израиле, к тому же блестящая. Она же, эта лицензия, помогла мне еще раз, только уже в колледже, через пятнадцать лет. Когда я уже перестала просить и надеяться, мне дали постоянную работу на три четверти ставки, что означало одну треть пенсии - до конца жизни! Я не прагматик, но умирать от голода на пенсии или быть выброшенной из неоплаченной квартиры не хотелось. Но я сейчас не об этом.

Тогда, в 1996/97 учебном году, я была "свеженькая", после перенесенной летом тяжелой операции, шов еще болел, но после занятий я прямоком из Кфар-Сабы ехала на работу - либо в университет, либо в колледж. Сумки были тяжелые, потому что учебники в Израиле очень большие - и для взрослых, и для детей. Причина мне непонятна до сих пор, но пришлось таскать запрещенные грузы с опасностью расхождения шва. Бутерброды, запасенные на весь день, и бутылка с водой, не облегчали моей участи.

Обучали нас очень хорошие преподаватели. Атмосфера в группе была теплая, мы все быстро подружились, перешли на "ты". Наш декан устраивал нам периодические поездки по стране, нам рассказывали об обычаях израильтян. Выяснялось, что, хотя мы и живем в стране, мы многого о ней не знаем. Мы не становимся настоящими израильтянами. Особенно много вопросов мы задавали нашей преподавательнице по методике преподавания. Однажды я задала ей "запрещенный" вопрос.

Я хорошо знала типичные ситуации, которые могли возникнуть в студенческой аудитории в России, и могла справиться с любой из них. Со многими студентами я дружила. Мы устраивали

вечера на английском языке, что-то вроде капустников, и всегда очень веселились. Но израильские студенты, хотя я и жила и работала здесь несколько лет, оставались для меня загадкой. Например, я знала, что если они молчат, значит все в порядке. Если им нравится моя манера преподавания, они мне об этом скажут. Я знала язык телодвижений, я умела встречаться глазами. Но мне хотелось сблизиться с этими непонятными людьми тоже. Ведь преподавание это процесс взаимный, интимный.

Тот период в стране был крайне беспокойным. Страшные теракты в автобусах, которые посыпались на нас через несколько месяцев после приезда в страну - в Афуле, Хадере, Тель-Авиве, были очень тяжелы для неокрепшего сознания новой иммигрантки. А через год, еще более разрушительные взрывы - в Бейт-Лиде, Рамат-Гане и Иерусалиме. Потом еще четыре кровавых взрыва в Иерусалиме, еще два в Тель-Авиве. И все это за наши первые три года в стране. Естественно, что я просто должна была задать этот "запрещенный" вопрос нашей преподавательнице по методике преподавания: "Как мы, учителя, должны вести себя, если, не дай Б-г, у кого-нибудь из наших учеников погибнет член семьи?" И на одном из занятий я его задала. Она не ответила.

Во втором семестре, в конце января 1997 года, согласно учебному плану, у нас началась практика в школе. Меня и мою однокурсницу Таню прикрепили к молодой израильтянке, учительнице пятого класса. Наша руководительница, относилась ко мне с трепетом по двум причинам: я была старше ее лет на двадцать, и у меня была ученая степень. Я относилась к ней с ответным трепетом, потому что у нее был опыт работы с пятиклассниками, а у меня нет. Я боялась их, как огня, намного больше студентов. А вот Таню, которая и в России преподавала в школе, она сразу приняла как свою.

В начале февраля произошла национальная трагедия. Разбились в воздухе два израильских вертолета с нашими военнослужащими, по пути из Ливана. Один из погибших оказался сыном нашей учительницы математики. Наутро мы с Таней, как обычно, пришли на практику. Все преподаватели уже собрались в учительской. И вот вошла она, мать-шхуля (мать-сирота, мать, потерявшая ребенка). Все сказали слова сочувствия. Она села, и все заплакали. Плакали открыто, не скрывая чувств. Мы с Таней тоже. Это были непроизвольные слезы - мы горевали по незнакомому мальчику, как по родному. Мы видели его мать и испытывали к ней сочувствие и сострадание.

Так я впервые почувствовала себя израильтянкой, близкой к этим людям. Чего же нам бояться?

УРОК АНАТОМИИ. ПРАЖСКАЯ ОРГИЯ

Роман и новелла под одной обложкой, завершение трилогии Филипа Рота о писателе Натане Цукермане, альтер эго автора. "Урок анатомии" - одна из самых сильных книг Рота, написанная с блеском и юмором история загадочной болезни знаменитого Цукермана. Одурманенный болью, лекарствами, алкоголем и наркотиками, он больше не может писать. Не герои ли его собственных произведений наслали на него порчу? А может, таинственный недуг - просто кризис среднего возраста?

"Пражская оргия" - яркий финальный аккорд литературного сериала. Попав в социалистическую Прагу, Цукерман, этот баловень литературной славы, осознает, что творчество в тоталитарном обществе - занятие опасное, чреватое непредсказуемыми последствиями.

Книга выпущена издательством "Книжники" в Москве в 2019 году в серии "Проза еврейской жизни". Мы публикуем фрагмент из "Пражской оргии".

Филип РОТ

- Попросите его, пусть расскажет о своей книге, - говорю ей. - Как она называется?

Но его не свернуть.

- Когда мы перебрались из Рима в Канаду, вашу книгу я купил первой. Я слышал, что здесь, в Америке, она вызвала скандал. Когда вы любезно согласились со мной встретиться, я отправился в библиотеку, чтобы почитать, что писали американцы о вашей книге. Любопытно было сравнить это с тем, что чехи писали о моей, ведь она тоже вызвала скандал.

- Скандал какого рода?

- Умоляю, - говорит он, - эти две книги нельзя сравнивать. Ваша - гениальна, моя - ничего собой не представляет. Когда я изучал Кафку, мне подумалось, что участь его книг в лапах кафкианцев оказалась еще гротескнее, чем участь Йозефа К. У вас, я чувствую, ситуация аналогичная. Скандалная слава придает вашей книге дополнительную, гротескную, величину и связана с ней теперь так же неотвязно, как глупость кафкианцев - с Кафкой. Даже в случае с моей книжкой запрет придал ей величину, на которую я совершенно не рассчитывал.

- Почему вашу книгу запретили?

- Груз глупости, который нам приходится нести, тяжелее, чем груз запрета.

- Не согласен.

- Боюсь, это все же так, cher maitre¹. И вот что получается: вы принижаете значимость своего призвания, верите, что литературная культура - ничто. В вашей позиции есть определенная экзистенциальная слабость. И это прискорбно, потому что вы, по существу, написали шедевр.

При этом он так пока и не говорит, чем именно ему нравится моя книга. Может, она ему вообще не нравится.

Может, он ее и не читал. За таким напором обычно скрывается большое ловкачество. Бедствующий изгнанник сочувствует успешному американцу и упорно на том стоит. Что ему нужно?

- И все же это не мне, а вам, - напоминаю ему, - закрыли путь в профессию. Несмотря на скандал, мне - всемерно - фантастически повезло. И живу в Верхнем Ист-Сайде, и добился условного освобождения убийц, заслуживающих снисхождения. Вот чем здесь оборачивается скандал. А вас наказали самым жестоким образом. Запретить книгу, не давать печататься, выдворить из страны - что может быть тягостнее и глупее? Рад, что вам по душе моя книга, но не надо разводить охи-ахи относительно того, в каком положении попадает cher maitre². Что заставило вас написать скандальную книгу?

Женщина говорит:

- Зденек, расскажи.

- Что тут рассказывать? - отвечает он. - Сатира задевает их сильнее, чем ярый идеологический фанатизм. Я насмеялся. Они ведь идеологи. Ненавижу идеологов. Вот чем вызвана их злоба. Вот чем вызваны мои сомнения.

- Ваши сомнения в чем? Объясните.

- В 1967 году я опубликовал в Праге небольшую безобидную сатиру. В 1968-м пришли русские, и больше меня не печатали. Что тут еще сказать? А когда я прочитал в библиотеке те глупые рецензии на вашу книгу, меня кое-что заинтересовало. Не их глупость, с этим все ясно. А то, что среди этих писак нет ни одного человека, которого можно было бы назвать умным. Когда подобные вещи читаешь в Америке, охватывает страх за будущее, за мир, за все.

- Страх за будущее, даже за мир, это я понимаю. Но "за

все"? Стоит выразить писателю сочувствие по поводу глупых рецензий, и он ваш друг навеки, Сысовский, но теперь, когда мы с вами этот этап уже миновали, хочу послушать о ваших сомнениях.

- Расскажи ему, Зденек!

- Да что рассказывать? По правде говоря, я вообще не уверен, что сомневаюсь. Возможно, никаких сомнений у меня нет. Но думаю, лучше бы были.

- Почему? - спрашиваю.

- Я помню, как все было до вторжения в Прагу, - говорит он. - Уверю вас, в Праге шестидесятих годов не могло появиться ни одной такой рецензии на ваши книги - планка была намного выше. И это несмотря на то, что мы, упрощенно говоря, считались протестантской страной, а США - страной интеллектуальной свободы.

- Зденек, он хочет услышать не про эти рецензии, а про твои сомнения!

- Успокойся, - бросает он ей.

- Человек задал тебе вопрос.

- Я отвечаю.

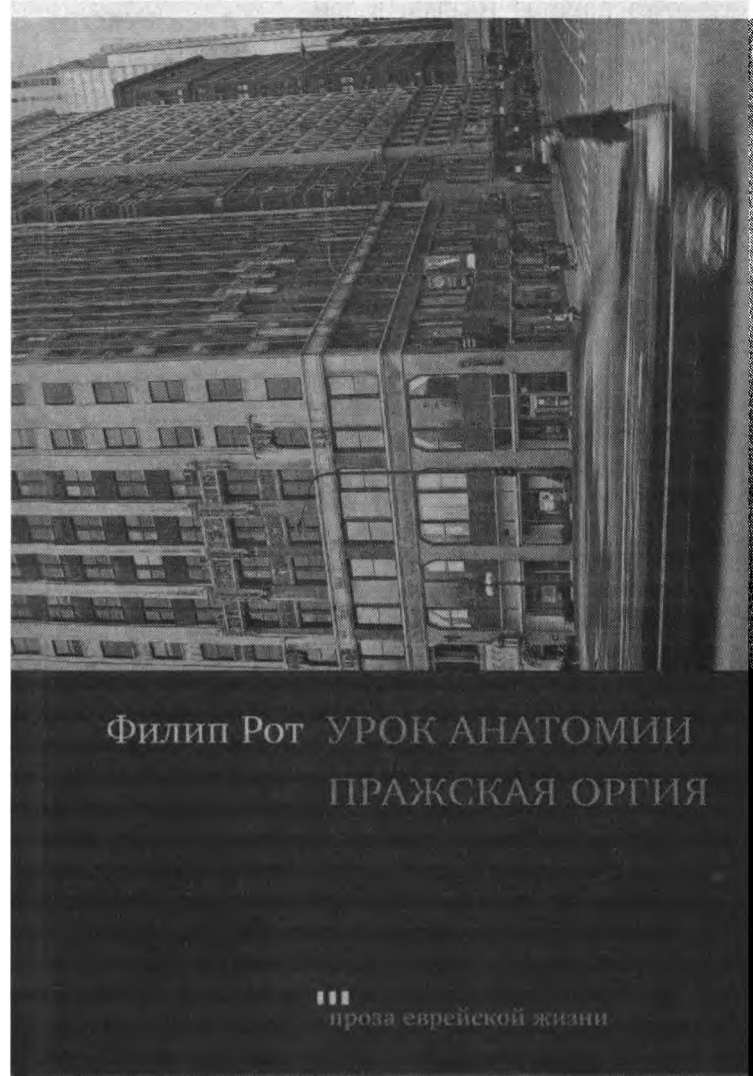
- Так давай же. Говори. Слышал, что он сказал: похвал с него уже достаточно!

Италия, Канада, теперь Нью-Йорк - она сыта по горло их странствиями. Слушая его, она на миг прикрывает глаза и дотрагивается до выступающей на виске жилки - словно ей припомнилась еще одна неправимая потеря. Сысовский прихлебывает мой виски, она отказалась даже от чая. Ей хочется уехать, возможно, обратно в Чехословакию, и, возможно, одной.

Вмешиваюсь - пока она не сорвалась на крик - и уточняю у него:

- А вы могли остаться в Чехословакии, несмотря на запрет вашей книги?

- Мог. Но останься я в

Чехословакии, мне, боюсь, пришлось бы сдаться. Я не мог бы писать, выступать на публике, не мог бы даже видеться с друзьями - меня бы сразу тащили на допрос. Попытайся сделать хоть что-то, что угодно, и это поставит под угрозу и твою собственную безопасность, и безопасность твоей жены, детей, родителей. У меня там жена. Ребенок и престарелая мать, которая и так уже вдоволь настрадалась. Ты понимаешь, что ничего не можешь поделать, и ты сдаешься. У нас в стране никто не борется с насаждением русского языка. Да, оккупантов все ненавидят, но в конечном счете это ничего не дает. Вы, американцы, мыслите в рамках года-двух; русские мыслят в масштабах столетий. Они сознают, что живут на перспективу, ощущают, что настало их время. Они чувствуют это интуитивно, и они правы. Правда в том, что чем дальше, тем больше наше население мало-помалу смиряется со своей участью. Восемь лет прошло. Гонениям теперь подвергаются лишь писатели да интеллектуалы, лишь писать и думать у нас нельзя; остальные довольны, довольны, даже невзирая на ненависть к русским, и

во многом они живут лучше, чем когда-либо. И хотя бы из скромности не надо их требовать, чтобы тебя печатали, если гложет мысль: а что, если это в тебе говорит тщеславие? Я, в отличие от вас, не гений. Музиль, Пруст, Манн, Натан Цукерман - зачем им читать меня? Моя книга вызвала скандал не только потому, что она сатирическая, но и потому, что в 1967 году, когда она вышла, мне было двадцать пять лет. Новое поколение будущего поладило с русскими лучше всех остальных. Остаться в Чехословакии и бодаться с русскими из-за своих книжонков - стоило ли оно того? Что изменит еще одна моя книга?

- Солженицын считает иначе.

- Он молодец. А стоило ли мне ставить на кон все, чтобы опубликовать еще одну сатиру? Борюсь против них и подвергая опасности себя и всех, кого знаю, сумел ли бы я хоть чего-то добиться? К сожалению, однако, в той же степени, и даже еще больше, в какой меня не влечет путь бездумного тщеславия, я не могу и примириться с необходимостью сойти с дистанции.

Я не храбрец, но быть совсем уж жалким трусом не желаю.

- А может, это тоже просто тщеславие?

- Вот именно - и я весь в сомнениях. В Чехословакии, останься там, я смог бы найти какую-никакую работу, и жил бы тогда в родной стране, и черпал бы от этого силу. Там я не мог быть писателем, но мог быть чехом. А на Западе я могу быть писателем, а вот чехом - нет. Здесь, где как писателю мне грош цена, я только писатель. У меня больше нет всего остального, что дает жизни смысл: страны, языка, друзей, семьи, воспоминаний и так далее - здесь у меня только литература. Только вот писать я могу главным образом о том, что происходит там, и только там это может иметь отклик, о котором я мечтаю.

- Выходит, еще тяжелее, чем запрет печататься, эти сомнения, которые он породил.

- Для меня. Только для меня. У Евы сомнений нет. У нее только ненависть.

Ева изумлена.

- Ненависть к кому?

- Ко всем, кто тебя предал, - отвечает он ей. - Всем, кто от тебя отвернулся. Ты ненавидишь их, желаешь им смерти.

- Я о них и думать забыла.

- Желаешь им гореть в аду.

- Я о них совсем не вспоминаю.

- Надо вам рассказать о том, кто такая Ева Калинова, - обращается он ко мне. - Хвастаться этим - пошло, но оставить вас в неведении было бы нелепо... Мне стыдно рассказывать вам, как тягостны мои сомнения, когда рядом сидит и помалкивает Ева.

- Я совсем не против сидеть и помалкивать, - говорит она. - Перестань.

- Ева, - продолжает он, - величайшая актриса, она лучше всех в Праге играет Чехова. Спросите в Праге у любого. Даже власти с этим согласны. Ее Нине, Ирине, Маше нет равных.

- Не надо, - говорит она.

- Когда Ева в Праге заходит в трамвай, народ аплодирует. С ее восемнадцати вся Прага от нее без ума.

- Поэтому они пишут у меня на стене "еврейская шлюха"? От большой любви? Не говори глупостей. Все кончено.

- Вскоре она снова будет выступать на сцене, - заверяет он меня.

- Если хочешь быть актрисой в Америке, надо так говорить по-английски, чтобы публике не приходилось ломать голову!

- Ева, сядь.

Но ее карьера рухнула. Как тут усидишь на месте.

- Нельзя играть и говорить по-английски так, чтобы тебя никто не понимал! Такая актриса даром никому не нужна. Хватит с меня пьес - надоело все время кого-то изображать. Все эти трепетные Ирины, Нины, Маши, Саши у меня уже вот где сидят. Они лишь вводят в заблуждение - и меня, и зрителей. Начать с того - такие люди, как мы, слишком предаются фантазиям. Мы слишком много читаем, слишком много чувствуем, слишком много фантазируем - мы хотим несбыточного! Я рада, что мои успехи остались в прошлом. Преуспеть можно в любом деле, не только в актерстве. Что в нем хорошего? Чему оно служит? Самолюбованию. Брежнев дал мне шанс стать простым обывателем и заниматься реальным делом. Я распродаю платья - и платья людям нужнее, чем актрисы, играющие дурацких трепетных чеховских героинь!

- А что, - интересуюсь, - нужно чеховским актрисам?

- Вместе с другими людьми играть пьесе жизни, а не играть в пьесе, которая якобы отражает жизнь! Им нужно отказаться от своего эгоизма, от своих переживаний, своих заморочек по поводу внешнего вида и своего искусства! - Она начинает плакать. - Ведь я же от своих избавилась!

- Ева, расскажи о своих еврейских демонах. Он американский специалист по еврейским демонам. Ее, господин Цукерман, преследуют еврейские демоны. Ева, ты должна рассказать ему о заместителе министра культуры - о том, что с ним было, когда ты ушла от мужа. Ева была замужем за человеком, о котором здесь, в Америке, вы и не слышали, но которого обожает вся Чехословакия. Он очень популярный театральный деятель. Его каждую неделю показывают по телевизору. Наши старушки мамы рыдают, когда он поет народные моравские песни. Девушки, стоит им слышать его трубный глас, обмирают. Из музыкальных автоматов, из радиоприемников - отовсюду раздается его ужасный, якобы пылкий цыганский голос. Когда вы замужем за таким человеком, можно ни о чем не заботиться. Играть любую героиню в Национальном театре. Жить с комфортом. Ездить в любые заграничные поездки. Если вы

замужем за таким человеком, вас никто не трогает.

- Он тебя тоже не трогает, - встречает она. - Зденек, охота тебе меня допекать? Пусть я смехотворная героиня очередной смешной чешской истории, мне плевать. В Чехословакии, что бы ни случилось, люди толькожимают плечами и говорят: "Ну чистый Швейк, чистый Кафка". Оба они у меня уже в печенках сидят.

- Расскажите о своих еврейских демонах, - прошу я.

- Нет никаких демонов, - отвечает она, вызверившись на Сысовского.

- Ева влюбилась в господина Поляка и ушла к нему от мужа. А если вы возлюбленная господина Поляка, - объясняет Сысовский, - жить спокойно вам не дадут. У Поляка было много возлюбленных, и каждой пришлось туго. Ева Калинова замужем за заслуженным артистом Чехословакии и - на тебе! - бросает его ради агента сионизма и буржуазного врага народа. Потому они и писали на стене у театра "еврейская шлюха" и присылали по почте стихи о ее аморальном поведении и шаржи на Поляка с еврейским шнобелем. Потому и строчили письма министру культуры с протестами и требованиями убрать ее из театра. Потому и вызвали на прием к заместителю министра культуры. Бросив великого заслуженного артиста, сентиментального, самовлюбленного зануду Петра Калину ради еврея и паразита Павла Поляка, она стала ничем не лучше еврейки.

- Прошу, - говорит Ева, - хватит об этом. Все эти люди, они страдают ради своих идей, из-за запрещенных книг, ради возврата демократии в Чехословакию - страдают ради своих принципов, гуманизма, ненависти к русским, а я в этой кошмарной истории до сих пор страдаю из-за любви!

- "А вы знаете, - говорит ей наш просвещенный замминистра культуры, знаете, мадам Калинова, - не унимается Сысовский, - что половина наших соотечественников считает, что вы вообще-то еврейка по крови?" Ева ему отвечает, очень сдержанно - а Ева, если не сердита и не напугана до потери сознания, умеет быть очень сдержанной, очень красивой, очень интеллигентной, очень сдержанно отвечает: "Дорогой господин заместитель министра, моя семья еще в шестнадцатом веке в Богемии подвергалась

гонениям за протестантизм". Но его это не останавливает, ему и так это известно. Он говорит: "А скажите мне, почему это вы в возрасте девятнадцати лет сыграли еврейку Анну Франк?" Ева отвечает: "Я сыграла эту роль, потому что меня выбрали из десятка молодых актрис. И каждая из них хотела получить ее больше всего на свете". - "Молодых актрис? - переспрашивает он. - Или молодых евреек?"

- Умоляю, Зденек, я уже слышать не могу свою смехотворную историю! И твою смехотворную историю тоже! Я до одури устала от пересказов нашей истории, вообще до одури от нее устала! То было в Европе, а здесь Америка! Мне противно даже вспоминать, что это была я!

- "Молодых актрис? - переспрашивает он. - Или молодых евреек?" Ева ему: "А какая разница? Некоторые из них, возможно, были еврейки. Но я нет". - "Тогда зачем, - спрашивает он у Евы, - вы два года играли на сцене эту еврейку, если вы не сочувствовали сионистам?" Ева в ответ: "Я до этого уже сыграла еврейку в чеховском "Иванове". И еврейку в шекспировском "Венецианском купце"". Это его не убеждает. То, что Ева захотела играть еврейку в пьесе Антона Чехова, где наличествуют герои всех сословий, только выбирай, не укрепляет, по мнению замминистра, Евино положение. "Но ведь все понимают, - объясняет Ева, - что это только роли. И даже если полстраны считает меня еврейкой, еврейкой я от этого не стану. Было дело, обо мне говорили, будто во мне есть и цыганская кровь; наверное, многие так решили из-за того дурацкого фильма, в котором я снялась вместе с Петром. Но, господин заместитель министра, - говорит Ева, - каждый знает, и это неоспоримо, что я не еврейка и не цыганка, - я актриса". - "Актриса, мадам Калинова, - уточняет он, - которая часто изображает, причем мастерски, евреек, - вот что знает каждый. А еще каждый знает, что во всей стране никто не умеет изображать их так хорошо". - "А что, если и так! Что, в нашей стране теперь и это преступление?" Тут Ева уже срывается на крик и, конечно, плачет. Ее всю трясет. И тогда он вдруг добреет, смягчается. Предлагает бренди, чтобы успокоиться. Говорит, что речь не о нарушении закона. Что он говорит не от себя лично. Что

в 1956 году Ева в роли Анны Франк тронула его до глубины души. Он не мог удержаться от слез - и никогда этого не забудет. Услышав такое, Ева чуть умом не тронулась. "Тогда о чем вообще весь этот разговор?" - удивляется она. "О чувствах простых людей, - отвечает тот. - О переживаниях великого чешского народа. Оставить заслуженного артиста Петра Калину, спутаться с сионистом Поляком - это и само по себе вас дискредитирует, а тут еще вы то и дело играете евреек. Зрители не могут вам этого простить!" - "Бред какой-то, - заявляет ему Ева. - Не может такого быть. Зрители любят Анну Франк, любят меня в этой роли!" Тут он вынимает из папки все эти сфабрикованные письма от якобы оскорбленных театралов - такие же фальшивки, как те проклятия на стенах театра. Вопрос решен. Еву выгоняют из Национального театра. Замминистра доволен собой, всюду ходит и хвастается, что окоротил Полякову подстилку и показал этому зарвавшемуся еврейскому выродку, кто тут главный. И что когда новость дойдет до Москвы, русские за твердость и антисемитизм дадут ему медаль. Есть у них медаль для таких случаев, золотая. Вместо этого его отправляют в отставку. Последнее, что я о нем слышал, - его сделали помощником редактора в издательстве религиозной литературы. Потому что чехи действительно обожали Анну Франк, а кто-то наверху так и так задумал избавиться от глупого заместителя - вот его и отправили в отставку за то, как он обошелся с Евой Калиновой. Разумеется, Ева бы предпочла, чтобы не замминистра отправили в отставку, а ее саму восстановили как приму Национального театра. Но наша система правосудия до такого пока не доросла. Карать, тут мы сильны, а вот заглаживать вину нам слабо.

- Ничуть они не сильны, - говорит Ева. - Просто я слабая. Я глупая и не способна противостать этим хамам! Плачу, трясусь, тушуюсь. Так мне и надо. Даже здесь, сейчас я все равно не могу выбросить из головы этого человека! Надо было отрубить мне голову. Вот это было бы справедливо!

Перевод с английского
В.Пророковой, О.Качановой

¹ Дорогой мэтр (фр.).
² Мой дорогой друг (фр.).

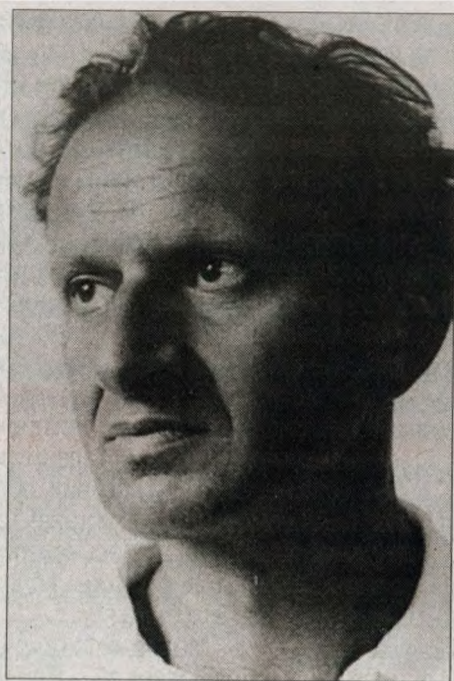
"ТЫ ВЫДЕРЖИ ЕЩЕ НЕМНОГО СЧАСТЬЯ..."

"По судьбе - еврей, по случайности - француз, по бумажке с печатью - немец", - так писал о себе поэт и прозаик Исаак Ланг, вошедший в историю литературы под псевдонимом Иван Голль.

На свет появился он 29 марта 1891 г. в семье еврейского торговца одеждой в Сен-Дье-де-Вож в Лотарингии. Город этот входил в тот период в состав Германии (по итогам франко-прусской войны), но его жители, по большей части, считали себя французами. Родители постарались дать сыну достойное образование, как это и было принято в еврейских семьях. Среднюю школу Иван окончил в Меце, а затем поступил на юридический факультет университета в Страсбурге. В 1912 г. он защитил диссертацию и удостоился степени доктора философии, после чего отправился в Берлин. Писать Голль начал на немецком языке, на котором увидели свет сборники его "Лотарингские народные песни", "Фильмы, стихотворения" и поэма "Панамский канал".

С началом Первой мировой войны, будучи убежденным пацифистом, Иван эмигрировал в Швейцарию. Жил в Цюрихе, Лозанне и Женеве, где перешел с немецкого языка в своем творчестве на французский. В 1916 г. издан был его "Реквием по павшим в Европе" (автор сам осуществил перевод этого произведения на немецкий язык) и сборник стихов "Дифирамбы" (1918).

Осенью 1919 г. литератор поселился в Париже, стал директором издательства "Рейн-ферлаг", в котором опубликовал первый немецкий перевод романа "Улисс" Дж.Джойса, а также перевод составленных им сборников антивоенных стихов немецких поэтов на французский язык и французских поэтов - на немецкий. Иван Голль участвовал в подготовке к изданию поэтического журнала "Сюрреализм". Единственный (так уж получилось) номер вышел в свет в 1924 г. Немного позднее Голль издал написанные им на французском языке в соавторстве с женой - Клер Голль, сборники "Стихи о любви" (с иллюстрациями Марка Шагала), "Стихи о ревности" и "Стихи о жизни и смерти". Далее вышли в свет книги его стихов на немецком языке "Седьмая роза" и "Малайские песни". В Париже Иван Голль сблизился с Шагалом, а также - с Владимиром Маяковским, Эльзой Триоле, Владиславом Ходасевичем и другими известными деятелями культуры. В парижский период жизни и творчества Голль написал пьесы и другие прозаические произведения, в которых поднял тему деградации Европы, создал стихотворную эпопею "Челюскин", откликнувшись на операцию по спасению людей с зажатого льдами советского парохода. Стоит

привлечь внимание к стихотворному циклу Голля, родившемуся под влиянием книги Иова и легенды о Вечном Жиде. В поэтическую канву этих творений автора органично вплелись и автобиографические мотивы, ибо и сам Голль, в каком-то смысле, уподобился этому персонажу - в своих скитаниях по свету, которые продолжились и дальше.

В 1939-м Иван Голль уехал в США и поселился в Нью-Йорке. Он сотрудничал с радиостанцией "Голос Франции" и издавал журнал "Эмисфер" ("Полушария"). В этот период и тематика, и стилистические приемы у Голля изменились. Он увлекся народными преданиями, писал элегии и поэмы, обратился к религиозно-мистическому и эзотерическому учению в иудаизме - Каббале. В 1946-м Голль вернулся во Францию. Там вышли в свет его поэмы "Миф о пробитой скале", "Элегия Ихпетонги" и "Триумфальная колесница сурьмы". Он написал также несколько мистических поэм о Лилит - центральной женской фигуре в еврейской демонологии. Две его последние книги - "Найла" и "Сон-трава" стали вершиной исканий Голля в области форм и стиля.

Иван Голль умер в Париже 27 февраля 1950 г. До конца жизни он так и не смог ответить себе (и другим) на вопрос, к какой стране он принадлежит. Уже после смерти литератора были изданы сборники его стихов "Десять тысяч зорь" (в соавторстве с женой), "Вечерняя песня". Творчество Ивана Голля, как лирика, принадлежит к экспрессионизму, и в некоторой части - к сюрреализму. Помимо немецкого и французского языка, Голль писал еще и на английском. К слову, его возвращению в Европу из США предшествовало стихотворение "Песня непобедимых", написанное поэтом одновременно на трех языках, которыми он владел. В свою очередь, его произведения переведены на испанский и на японский

язык. Как указывает один из основных переводчиков поэзии Голля Вальдемар Вебер, по произведениям Ивана Голля можно проследить пройденный им путь - "от опьянения словами - к строгости формы, от идеологической и авангардистской ангажированности - к артистизму".

Из поэтического наследия Ивана Голля в переводах Вальдемара Вебера

Последний романтик

С волнением жду на вокзалах весну.
Локомотив тоски
больше не делает остановок.

Пять тысяч почтовых голубей
с неверными адресами
Я послал вослед моей
неведомой возлюбленной,

На дом велел доставить соловьев
в роялях,
Но они задохнулись в летней ночи.

Я приобрел землю в Пампе,
С прирученными тиграми,

На ярмарке выиграл алюминиевую луну -
Оказалось, плохой товар:
расплавилась до рассвета.

Чьему сердцу доверить мне
Только что сорванные фиалки?

Безутешно мечусь по Европе
С мертвою ласточкою в кармане.

О, мой луг
С абрикосовыми губами!
В тихих водах твоих глаз
Трясут хвостом трясогузки,
А я омываю
Свою усталую душу.

Незабудки цветут
В ямочках твоих щек,
На тебя похожие,
Точно племяшки.

Ветер играет на арфе твоих волос.
И как ангел далекий,
Поет твоё сердце.

Спи, большое мое дитя:
Мне хочется остановить
вращенье земли,
Смазать шестеренки луны,
Поржавевшие от твоих слез,
Впитаться в глотку астматик-ветру
Будущему всю Европу...
Чтобы дать тебе спать,
Я бы ватой подбил трамвайные рельсы,
Дождь в снег превратил,
И каждое утро стрелял бы дроздов
Чье пение может поранить
Твое, как у лани, робкое сердце:
Чтобы дать тебе спать.

Ах, почему, неверная,
от меня ускользаешь в края лихорадки!
Твои шаги исчезают вместе
с тающим снегом,
Кровоточат на ветвях клочья
твоей души.

Что за алчный бог прогулялся здесь?
Ты горишь!
Может быть, ты прошла
слишком близко,
Мимо одной из звезд?
Твой рот неспокоен, как барка,
что уже не вернется назад,
И я твоих слов не услышу...

На руках у меня,
Хмельная, нагая, влажная,
Вся моя,
И вся не моя!

***

На моих щеках
Татуировка твоей улыбки.

Мой рот
Вылеплен твоими поцелуями.

Кислота твоих слез
Оставила следы на моих ладонях.

От твоих немеркнущих писем
Разбухают мои карманы.

Неуязвим
Для любого взора.

И все же ты в страхе,
Что женщины будут смотреть на меня?

***

Не хочу умирать.
На каком еще небе увижу
Синеву твоей улыбки,
Какой ад воссоздаст
Пламя твоих локонов,
Ничего не ждет меня вне твоих губ!

А на случай, когда однажды
Смерть задумает их замкнуть,
Я поцелуй заготовил.
Он взорвется мощней мелинита,
И украсит их вечной улыбкой!

***

Мы должны еще жить,
Так как наши тела
Тянутся к небу.
У нас, как у черного кипариса,
Долг - вырастать все выше,
Чтобы приблизиться
К Богу!

Невозможно, дитя мое, устранишься,
Как бы мы ни устали!
Ты, носящая под своей грудью гиацинты,
Ты, которую розы
Узнают по глазам
с неисцелимой грустью,
Ты, парящей походке которой
Завидуют лани,
Выдержи
Еще немножко счастья!